

University of Tartu

Σημειωτική

V. V. Ivanov
J. M. Lotman
A. M. Pjatigorski
V. N. Toporov
B. A. Uspenskij

ТЕЗИСЫ К СЕМИОТИЧЕСКОМУ
ИЗУЧЕНИЮ КУЛЬТУР

THESES ON THE SEMIOTIC STUDY
OF CULTURES

KULTUURISEMIOOTIKA TEESID

TARTU
SEMIOTICS
LIBRARY

1

Tartu Semiotics Library 1

Tartu Ülikool
Semiootika osakond

KULTUURISEMIOOTIKA TEESID

Tartu Semiootika Raamatukogu 1

ТЕЗИСЫ К СЕМИОТИЧЕСКОМУ
ИЗУЧЕНИЮ КУЛЬТУР

Тартуская библиотека семиотики 1

Tartu 1998

University of Tartu
Department of Semiotics

THESES ON THE SEMIOTIC STUDY
OF CULTURES

Tartu Semiotics Library 1

Tartu 1998

Address of the editorial office:

Department of Semiotics
University of Tartu
Tiigi St. 78,
Tartu 50410, Estonia
e-mail: *semiotics@ut.ee*

Translated from:

M. R. Mayenova (red). *Semiotyka i struktura tekstu*. Wrocław,
Warszawa, Krakow, Gdansk, 1993, 9–32.

Translated by: Silvi Salupere

Edited by: Ülle Pärli

The publication is supported by the Open Estonian Foundation

© University of Tartu, 1998

ISSN 1406–4278

ISBN 9985–4–0064–X

Tartu University Press

Tiigi 78, Tartu 50410, Estonia

Order No. 371

*

Tartu Ülikooli Toimetiste hulgas on olnud rahvusvaheliselt üks tuntumaid seeria "Töid märgisüsteemide alalt". Tartu–Moskva semiootika-koolkonna väljaandena oli ta valdavalt venekeelne. Alates 26. köitest on lisandunud inglise keel ja resümeeade tasandil ka eesti keel. "Töid märgisüsteemide alalt" on ikka olnud väljaanne, mille traditsiooniliseks vormiks on artiklite kogumikud. Tartu Ülikooli semiootikaosakonna loomisega 1992. aastal on tekkinud vajadus ka avaldamisstrateegiat mitmekesistada. Kõrvuti väljaandega "Töid märgisüsteemide alalt" on selge vajadus veel ühe seeria järele, mis tagaks mitmekülgsema väljundi osakonna teaduslikule tegevusele. Selleks on ellu kutsutud "Tartu Semiootika Raamatukogu". Seeria esimene number on sümboolne: üllitades kultuurisemiootika sündi tähistava, juba rariitseteks muutunud dokumendi kordustrukina vene ja inglise keeles ning esmatrukina eesti keeles, märgivad tartu semiootikud oma seotust Tartu–Moskva koolkonna traditsiooniga ja samas ka avatust. "Tartu Semiootika Raamatukogu" on avatud eri keeltele, teemadele ja teaduskirjanduse žanritele. Siin saavad ilmuda väiksemad temaatilised artiklite kogumikud, samuti monograafilised uurimused. Seeria vahendab eesti lugejale semiootilisi ning semiootikaga interdistsiplinaarsetes suhetes olevaid uurimusi, keeleliselt ja tasemelt erinevaid lugejaid silmas pidades.

Juba on ilmumist ootamas Tartu–Moskva koolkonna mõisteline sõnastik.

Seega vastab seeria nimi tema olemusele — olla avatud erinevatele lugejatele, olla avatud erinevatele kirjutajatele, olla tõeline raamatukogu.

*

The serial publication of Tartu–Moscow semiotic school, *Trudy po Znakovym Sistemam*, which appears under the title *Sign Systems Studies* since the volume 26, is known world-widely. This series of

collections has been designed as a conceptual whole. However, semiotics as a young and versatile discipline provides many more possibilities. With this current volume, we are starting a new series called *Tartu Semiotics Library*, to exploit those possibilities. In this *Library*, there will be a place for thematic collections, monographic studies, and lecture notes, as well as for adaptations which introduce semiotics and the Tartu–Moscow School. Forthcoming is also ‘The Thesaurus of Tartu–Moscow School’. *Tartu Semiotics Library* is open to different readers and authors, but in its openness it wants to be a good library.

Theses on the Semiotic Study of Cultures, an opening document of the series, marks the time of birth of the semiotics of culture, as well as the inherent ties between the present semioticians of Tartu and the Tartu–Moscow School. In addition to the English and Russian texts, we have also included their Estonian version, which has not been published before.

*

Тартуский университет издавал много лет известную серию “Труды по знаковым системам” — сборники статей, имевшие часто тематическое или концептуальное единство. Создание в 1992 году отделения семиотики дало возможность более гибко построить издательскую стратегию, в большей мере открыться для разных читателей и разных авторов, а также для разных научных жанров. Настоящее издание начинает серию “Тартуская библиотека семиотики”, призванную публиковать малые тематические сборники статей, авторские монографии, научные словари и т.п. В настоящее время готовится к печати понятийный словарь Тартуско–московской школы семиотики. Начиная серию переизданием на английском и русском и первоизданием на эстонском языке документа, свидетельствующего о рождении семиотики культуры, теперешние тартуские семиотики подчеркивают свою преемственную связь с традицией Тартуско–московской школы семиотики. “Тартуская библиотека семиотики” хочет стать многоязычной и многообразной серией, интересной и качественной библиотекой.

Peeter Torop

*В. В. Иванов, Ю. М. Лотман, А. М. Пятигорский,
В. Н. Топоров, Б. А. Успенский*

ТЕЗИСЫ К СЕМИОТИЧЕСКОМУ ИЗУЧЕНИЮ КУЛЬТУР
(в применении к славянским текстам)

9

*B. A. Uspenskij, V. V. Ivanov, V. N. Toporov,
A. M. Pjatigorskij, Ju. M. Lotman*

THESES ON THE SEMIOTIC STUDY OF CULTURES
(as Applied to Slavic Texts)

33

*V. V. Ivanov, J. M. Lotman, A. M. Pjatigorskij,
V. N. Toporov, B. A. Uspenskij*

KULTUURISEMIOOTIKA TEESID
(slaavi tekstidest lähtuvalt)

61

В. В. ИВАНОВ, Ю. М. ЛОТМАН, А. М. ПЯТИГОРСКИЙ,
В. Н. ТОПОРОВ, Б. А. УСПЕНСКИЙ

ТЕЗИСЫ К СЕМИОТИЧЕСКОМУ ИЗУЧЕНИЮ КУЛЬТУР *
(в применении к славянским текстам)

1.0.0. При изучении культуры исходной является предпосылка, что вся деятельность человека по выработке, обмену и хранению информации обладает известным единством. Отдельные знаковые системы, хотя и предполагают имманентно организованные структуры, функционируют лишь в единстве, опираясь друг на друга. Ни одна из знаковых систем не обладает механизмом, который обеспечивал бы ей изолированное функционирование. Из этого вытекает, что наряду с подходом, который позволяет построить серию относительно автономных наук семиотического цикла, допустим и другой, с точки зрения которого все они рассматривают частные аспекты семиотики культуры, науки о функциональной соотнесенности различных знаковых систем. С этой точки зрения особый смысл получают вопросы об иерархическом построении языков культуры, распределении сфер между ними, о случаях, когда эти сферы перекрещиваются или только граничат.

1.1.0. При исследованиях семиотико-типологического характера понятие культуры воспринимается как исходное. При этом следует различать взгляд на культуру с её собственной точки зрения и с точки зрения составления описывающей её научной метасистемы. С первой позиции культура будет иметь вид некоторой отграниченной области, которой противостоят вне её лежащие явления человеческой истории, опыта или деятельности. Таким образом, понятие культуры неотъемлемо связано с противопоставлением её «не-культуре». То, по какому принципу это делается (антитеза истинной религии ложной, просвещения — невежеству, принадлежности определённой этнической группе — невхождению в неё и т. п.), — принадлежит типу данной культуры. Однако само противопоставление включённости в некоторую замкнутую сферу и исключённости из неё составляет значительную особенность осмысления понятия культуры с «внутренней» точки зрения. При этом происходит характерная абсолютизация противопоставления: кажется, что куль-

* In: M. R. Mayenova (red). *Semiotyka i struktura tekstu*. Wrocław, Warszawa, Kraków, Gdansk, 1993, 9–32.

тура не нуждается в своём «внешнем» контрагенте и может быть понята имманентно.

1.1.1. С этой точки зрения определение культуры как области организации (информации) в человеческом обществе и противопоставление ей дезорганизации (энтропии) представляет собой одно из многих определений, даваемых «изнутри» описываемого объекта; это ещё раз свидетельствует, что наука (в данном случае — теория информации) в XX в. является не только метасистемой, но и входит в описываемый объект «современная культура».

1.1.2. Оппозиция «культура — природа» («сделанное — несделанное») также представляет собой лишь частную, исторически обусловленную интерпретацию антитезы включенности — исключенности. Укажем на то, что распространённая в русской культуре начала XX в. (А. Блок) антитеза «культура — цивилизация» рассматривает культуру как организованное, но не человеком, а «духом музыки», и, следовательно, «исконное» построение. Признак же сделанности приписывается антиподу культура — цивилизация.

1.2.0. С внешней точки зрения описания культура и некультура представляются как взаимообусловленные и друг в друге нуждающиеся области. Механизм культуры — это устройство, превращающее внешнюю сферу во внутреннюю: дезорганизацию в организацию, профанов — в просвещённых, грешников — в праведников, энтропию — в информацию. В силу того, что культура живет не только противопоставлением внешней и внутренней сфер, но и переходом из одной области в другую, она не только борется с внешним «хаосом», но и нуждается в нём, не только уничтожает его, но и постоянно создает. Одна из связей культуры с цивилизацией (и «хаосом») состоит в том, что культура постоянно отчуждает в пользу своего антипода какие-то «отработанные» элементы, превращающиеся в штампы и функционирующие в некультуре. Таким образом в самой культуре осуществляется увеличение энтропии за счёт предельной организации.

1.2.1. В связи с этим можно сказать, что каждому типу культуры соответствует его тип «хаоса», который совсем не первичен, однообразен и всегда сам себе равен, а представляет столь же активное создание человека, как и область культурной организации. Каждый исторически данный тип культуры имеет свой и только ему присущий тип некультуры.

1.2.2. Область внекультурной не-организации может строиться как зеркально обращённая сфера культуры или же как пространство, которое, с позиции наблюдателя, погружённого в данную культуру, предстаёт как неорганизованное, но с внешней позиции оказывается областью иной организации. Примером первого может быть реконструкция киевским монахом XII в. в *Повести временных лет* языческих представлений. Она заставляет кудесника, участвующего в религиозном диспуте с христианами, на вопрос: «Кაცი суть божи ваши, где живут?», отвечать: «Живуть в безднах, суть же образом черни, крилаты, хвосты имуще». Если в области культурно освоенного мира

богам отводится «верх», то во внешнележащем пространстве они располагаются внизу. После этого происходит отождествление внекультурного пространства с отрицательным «нижним» миром в системе данной культуры («Какой то бог, сѣдя в безднѣ, то есть бѣсь, а богъ на небеси сѣдя»). Пример второго — утверждение летописца-полянина, что у древлян «брати не бываху», после чего следует описание семейной организации, которая для летописца не брак, но для современного исследователя, конечно, им является.

1.2.3. Хотя культура, расширяя свои пределы, стремится полностью узурпировать все внекультурное пространство, уподобить его себе, с позиции внешнего описания расширение сферы организации приводит к расширению сферы не-организации. Тесному миру эллинской цивилизации соответствовал и узкий круг окружающих его «варваров». Пространственный рост средиземноморской античной цивилизации сопровождался ростом внекультурного мира (разумеется, если отвлечься от понятий данного типа культуры, — никакого роста не происходило; тот или иной народ мог жить как до того, когда становился известным миру римской цивилизации, так и после. Однако, с точки зрения данной культуры, «предполье» её неуклонно расширялось). Характерно, что XX в., исчерпав резервы пространственного расширения культуры (всё географическое пространство стало «культурным», «предполье» исчезло), обратился к проблеме подсознания, конструируя новый тип противопоставленного культуре пространства. Противопоставление «сферам подсознания, с одной стороны, и космоса, с другой, столь же существенно для понимания внутренней структуры культуры XX в., как противопоставления Руси и степи для XII в, или народа и интеллигенции для русской культуры второй половины XIX столетия. Как факт культуры проблема подсознания не столько открытие, сколько создание XX в.

1.2.4. Оппозиция «культура — внекультурное пространство» представляет собой минимальную единицу на данном уровне. Практически дана парадигма внекультурных пространств («детское», «экзотически-этническое» с точки зрения данной культуры, «подсознательное», «патологическое» и пр.). Аналогичным образом строятся описания различных народов в средневековых текстах: в центре располагается некоторое нормальное «мы», которому противопоставлены другие народы как парадигматический набор аномалий.

1.3.0. Активная роль внешнего пространства в механизме культуры проявляется, в частности, в том, что определённые идеологические системы могут связывать культуруобразующее начало именно с внешней, неорганизованной сферой, противопоставляя ей внутреннюю, упорядоченную область как культурно мёртвую. Так, в славянофильском противопоставлении России и Запада первая отождествляется с внешней, не нормализованной, культурно не освоенной, но составляющей зерно будущей культуры сферой. Запад же мыслится как мир замкнутый и упорядоченный, то есть «культурный» и культурно мёртвый одновременно:

1.3.1. Таким образом, с позиции внешнего наблюдателя культура будет представлять не неподвижный синхронно сбалансированный механизм, а дихотомическое устройство, «работа» которого будет реализовываться как агрессия упорядоченности в сферу неупорядоченного и противо­направленное вторжение неупорядоченного в область организации. В разные моменты исторического развития может доминировать та или иная тенденция. Инкорпорация в культурную сферу текстов, пришедших извне, оказывается иногда мощным стимулирующим фактором культурного развития.

1.3.2. Игровые соотношения культуры и её внешней сферы должны учитываться при изучении культурных влияний и связей. Если в периоды интенсивного воздействия культуры на внешнюю сферу она усваивает сходное с собой, то есть то, что, с её позиции, распознаётся как факт культуры, то в моменты экстенсивного развития она впитывает те тексты, для дешифровки которых не имеет средств. Широкое вторжение в европейскую культуру XX в. детского искусства, архаического и средневекового искусства или искусства дальневосточных или африканских народов связано с тем, что тексты эти вырываются из свойственного им исторического (или психологического) контекста. На них смотрят глазами «взрослого» или европейца. Для того, чтобы играть активную роль, они должны восприниматься как «странные».

1.3.3. Культурная функция напряжения между внутренним (замкнутым) и внешним (разомкнутым) пространствами отчётливо проявляется, в частности, в структуре жилища (и других построек). Создавая дом, человек тем самым отгораживает часть пространства, которая — в отличие от внешней сферы — воспринимается как культурно освоенная и упорядоченная. Однако это исходное противопоставление приобретает культурный смысл лишь на фоне постоянных и противоположно направленных его нарушений. Так, с одной стороны, замкнутое «домашнее» пространство начинает восприниматься не как антипод внешнего мира, а в качестве его модели и аналога (например, храм как образ вселенной). В этом случае упорядоченность храмового пространства переносится на внешний мир, подавляя сферу неупорядоченности (агрессия внутреннего пространства вовне). С другой стороны, некоторые свойства внешнего мира проникают во внутренний. С этим связано стремление выделить в доме «дом дома» (например, алтарное пространство — внутренняя сфера внутренней сферы). Крайне интересный пример «игры» между внутренним и внешним пространствами здания как аналогами к напряжению между соответствующими культурными сферами даёт архитектура барокко. Создание структур, «перехлёстывающих» через границы (картины, выходящие из рам, статуи, сходящие с пьедесталов, система парного соотношения окон и зеркал, вводящая внешний пейзаж в интерьер), создаёт обоюдные прорывы культурной сферы в хаос и хаоса в культурную сферу.

2.0.0. Таким образом, культура строится как иерархия семиотических систем, с одной стороны, и многослойное устройство окружающей её внекуль-

турной сферы. Однако, бесспорно, что именно внутренняя структура, состав и соотношение частных семиотических подсистем определяют тип культуры в первую очередь.

2.0.1. В соответствии со сказанным выше, соотношение нескольких культур может образовывать также функциональное или структурное единство с точки зрения более широких контекстов (генетических, ареальных и пр.). Такой подход оказывается особенно плодотворным при решении задач сравнительного изучения культуры, в частности, культур славянских народов. Складывание внутренней парадигмы культур или распределение их в поле структурной оппозиции: «внутренняя область культуры — внешняя область культуры», позволяет решить ряд вопросов как соотношения отдельных славянских культур между собой, так и отношения их к культурам иных ареалов.

3.0.0. Фундаментальное понятие современной семиотики — текст — может считаться объединяющим звеном между общесемиотическими и специально славяноведческими студиями. Текст — носитель целостного значения и целостной функции (если различать позицию исследователя культуры и позицию её носителя, то с точки зрения первого текст выступает как носитель целостной функции, а с позиции второго — целостного значения). В этом смысле он может рассматриваться как первоэлемент (базисная единица) культуры. Соотнесенность текста с целым культуры и её системой кодов проявляется в том, что на разных уровнях одно и то же сообщение может представлять как текст, часть текста или совокупность текстов. Так, *Повести Белкина* Пушкина могут рассматриваться как целостный текст, как совокупность текстов или же в качестве части единого текста «русская повесть 1830-х гг.».

3.1.0. Понятие «текст» употребляется в специфически семиотическом значении и, с одной стороны, применяется не только к сообщениям на естественном языке, но и к любому носителю целостного («текстового») значения — обряду, произведению изобразительного искусства или музыкальной пьесе. С другой стороны, не всякое сообщение на естественном языке представляет собой текст с точки зрения культуры. Из всей совокупности сообщений на естественном языке культура выделяет и учитывает лишь те, которые могут быть определены как некоторый речевой жанр, например, «молитва», «закон», «роман» и пр., то есть обладают некоторым целостным значением и выполняют единую функцию.

3.2.0. Текст как объект изучения может рассматриваться в свете следующих проблем:

3.2.1. Текст и знак. Текст как целостный знак, текст как последовательность знаков. Второй случай, как хорошо известный из опыта лингвистического изучения текста, порой рассматривается в качестве единственно возможного. Однако в общей модели культуры существует и другой тип текстов, в котором понятие текста выступает не как вторичное, производное от цепочки знаков, а в качестве первичного. Текст этого типа не дискретен и не распадается на

знаки. Он представляет собой целое и членится не на отдельные знаки, а на дифференциальные признаки. В этом смысле можно обнаружить далеко идущее сходство между первичностью текста в таких современных звуко-зрительных системах массовой коммуникации, как кино и телевидение, и ролью текста для тех систем, где, как в математической логике, метаматематике и теории формализованных грамматик, под языком понимается некоторое множество текстов. Принципиальное различие между этими двумя случаями первичности текста заключается, однако, в том, что для звуко-зрительных систем передачи информации и таких более ранних по сравнению с ними систем, как живопись, скульптура, танец (и пантомима), балет, первичным может быть непрерывный текст (все полотно картины или её фрагмент, в случае, если на картине вычленяются отдельные знаки), тогда как в формализованных языках текст всегда может быть представлен как цепочка дискретных символов, задаваемых в качестве элементов исходного алфавита (набора или словаря).

Ориентация на такие дискретные модели формализованных языков (т. е. на дискретный случай передачи информации), характерная для лингвистики первой половины нашего века, сменяется в современной семиотической теории вниманием к непрерывному тексту как первоначальной данности (т. е. к недискретным случаям передачи информации) именно тогда, когда в самой культуре всё большее значение приобретают системы общения, пользующиеся преимущественно непрерывными текстами. Для телевидения основной единицей является элементарная жизненная ситуация, до момента передачи (или снятия телефильма) априорно неизвестная и неразложимая на элементы. Но для звуко-зрительной техники массовой коммуникации (кино и телевидения, в том числе и для телефильмов) характерно и соединение обоих способов. Кино совсем не отказывается от дискретных знаков, прежде всего, от знаков устного языка и других обиходных языков (в частности, получаемых им в качестве «предкамерного» или «докинематографического» материала от других систем, типологически более ранних), но включает их в целостные тексты (распятие в сцене в церкви в *Пепле и алмазе* А. Вайды само по себе выступает в качестве дискретного символа, но оно переосмысливается в контексте всего кадра, где оно соотносено с героем фильма).

Сходное включение дискретных знаков, чаще всего перенятых из других (архаичных) систем, в непрерывный текст может быть обнаружено в исторически более ранних зрительных системах — в частности, в живописи — где образ человека на мировом дереве, центральный для значительного числа мифологических и ритуальных традиций (в том числе, древнейших славянских), или другие ему эквивалентные образы могут быть сохранены в качестве центра композиции. Во всех подобных случаях можно видеть проявление общей закономерности эволюции семиотических систем, при которой некоторый знак или целое сообщение (или фрагмент сообщения) может включаться

в текст другой знаковой системы в качестве его составной части и сохраняться в дальнейшем преимущественно в качестве такового (следовательно, со сдвинутой функцией — эстетической, а не мифологической или ритуальной, как в приведенных примерах). Последнее обобщение может представить интерес и для обоснования таких методов реконструкции древнейших семиотических систем, которые основаны на восстановлении знаков (а иногда и текстов) архаической системы (например, праславянской мифологии) на основании их позднейших рефлексов, включаемых в состав фольклорных и других текстов, сохраняемых в исторической традиции. Вместе с тем, с указанной точки зрения анализ современных средств массовой коммуникации в их соотношении с исторически предшествующими им системами органически включается в сравнительное изучение языков культуры (закономерными оказываются, например, такие темы для исследования, как соотношение фильмов Вайды с традицией польского барокко — не только в плане эмоциональной атмосферы произведения, но и по характеру выбираемого «докинематографического» материала).

Выбор дискретного метаязыка дифференциальных признаков типа: верхний — нижний, левый — правый, темный — светлый, черный — белый, для описания таких непрерывных текстов, как живописные или кинематографические, сам по себе может рассматриваться как проявление архаизирующих тенденций, налагающих на непрерывный текст языка-объекта метаязыковые категории, более характерные для архаических систем двоячной символической классификации (типа мифологических и ритуальных). Но нельзя считать исключенным то, что в качестве архетипических признаки этого рода сохраняются и при создании и восприятии непрерывных текстов.

Таким образом, доминирование текстов дискретного или недискретного типа может быть связано с определенным этапом развития культуры. Однако, следует подчеркнуть, что обе эти тенденции могут быть представлены и как синхронно-сосуществующие. Напряжение между ними (например, конфликт слова и рисунка) составляет один из наиболее постоянных механизмов культуры как целого. Господство одного из них возможно не как полное подавление противоположного типа, а лишь в форме ориентированности культуры на определенные текстовые структуры как доминирующие.

3.2.2. Текст и проблема «адресант — адресат». В процессе культурной коммуникации особое значение приобретает проблема «грамматики говорящего» и «грамматики слушающего». Как отдельные тексты могут создаваться с ориентацией на «позицию говорящего» или «позицию слушающего», так подобная направленность может быть присуща и определенным культурам в целом. Примером культуры, ориентированной на слушателя, будет такая, в которой аксиологическая иерархия текстов располагается так, что понятия «наиболее ценный» и «самый понятный» совпадают. В этом случае специфика вторичных надязыковых систем будет в наименьшей степени вы-

ражена — тексты будут стремиться к минимальной условности, имитировать «непостроенность», сознательно ориентируясь на тип «голового» сообщения на естественном языке. Летопись, проза (в особенности — очерк), газетная хроника, документальный фильм, телевидение будут занимать высшие ценностные ступени. «Достоверное», «истинное», «простое» будут рассматриваться как высшие аксиологические характеристики.

Культура, ориентированная на говорящего, в качестве высшей ценности имеет сферу замкнутых, малодоступных или вообще непонятных текстов. Это культура эзотерического типа. Пророческие и жреческие тексты, глоссолалии, специфические виды поэзии занимают в ней высшее место. Ориентация культуры на «говорящего» или «слушающего» будет проявляться в том, что в первом случае аудитория моделирует себя по образцу создателя текстов (читатель стремится приблизиться к идеалу поэта), во втором — отправитель строит себя по образцу аудитории (поэт стремится приблизиться к идеалу читателя). Диахронное развитие культуры также можно рассматривать как движение внутри того же коммуникационного поля. Примером движения от установки на говорящего к установке на слушающего в индивидуальной эволюции писателя может быть творчество такого поэта, как Пастернак. В период создания первой редакции *Поверх барьеров*, *Сестры моей жизни*, *Тем и вариаций* основным для поэта было монологическое высказывание, стремившееся к точности выражения собственного видения мира со всеми обусловленными им особенностями семантической (а иногда и синтаксической) структуры поэтического языка. В поздних произведениях доминирует диалогическая установка на собеседника — слушающего (на потенциального читателя, который должен понять всё ему сообщаемое). Особенно наглядно контраст между двумя манерами выступает в тех случаях, когда писатель двумя способами пробует передать одно и то же впечатление (два варианта стихотворения *Венеция* и два прозаических описания того же первого впечатления от Венеции в *Охранной грамоте* и в автобиографии *Люди и положения*; два варианта стихотворения *Импровизация*, 1915 г., и *Импровизация на рояле*, 1946 г.). О том, что подобное движение может быть истолковано в свете не только индивидуальных причин, но и как некоторая закономерность в развитии европейского авангарда, свидетельствует творческое движение Маяковского, Заболоцкого, поэтов чешского авангарда. Вообще говоря, путь от установки на говорящего к установке на слушающего не является единственно возможным; из современников Пастернака обратное развитие характерно в особенности для Ахматовой (*Поэма без героя* в сравнении с более ранними произведениями).

3.2.3. Следует выяснить, в какой степени выделение двух полярных типов литературных и художественных стилей типа оппозиций: ренессанс — барокко, классицизм — барокко, классицизм — романтизм, по отношению к славянским литературам разных периодов отчетливее всего намеченное Юлианом

Кржижановским, может быть соотнесено с типом культуры, обусловленным установкой либо на говорящего, либо на слушающего (к первому типу могли бы принадлежать, например раннее средневековье, барокко, романтизм, литература авангарда — *Młoda Polska* — и т. п.). Внутри каждой из таких оппозиций в свою очередь возможны различия, проводимые по аналогичному признаку (с чем можно связать наличие таких промежуточных типов, как маниеризм). С поздней хронологией включения в славянские культуры стилей, ориентированных на слушающего, можно связать в ряде случаев наличие внутри этих стилей черт, более близких к стилям с установкой на говорящего (барокко внутри славянского позднего возрождения и т. п.). Общие черты, связывающие стили с установкой на говорящего, позволяют поставить вопрос о далеко идущих стилистических сходствах (например, в отдельных стихотворениях Норвида из *Vademecum* и Цветаевой) независимо от абсолютной хронологии.

3.2.4. Поскольку в канал коммуникации между отправителем и адресатом в культурах, обладающих средствами внешней фиксации сообщения, встроена память, различается потенциальный адресат («далекый мой потомок» в стихах Баратынского) и адресат актуальный. Совокупность актуальных адресатов связана с отправителем обратной связью. В частности, с помощью такой совокупности осуществляется коллективный отбор из всего множества текстов некоторых, соответствующих эстетическим нормам эпохи, поколения, социальной группы. Механизм такого отбора может моделироваться с помощью аппарата, близкого к тому, который разработан в кибернетической модели эволюции. Поскольку с теоретико-информационной точки зрения количество информации определяется для данного текста по отношению ко всему множеству текстов, в настоящее время можно более отчетливо описать реальную роль «малых писателей» в коллективном отборе, подготавливающем возникновение текста, несущего максимум информации. Индивидуальный отбор, производимый писателем (и отражаемый, например, в черновиках) может рассматриваться как продолжение коллективного отбора, иногда им направляемое, но часто от него отталкивающееся. С этой точки зрения полезным может оказаться и исследование факторов, препятствующих отбору.

С наличием памяти в канале коммуникации можно связать и отражение в структуре жанров коммуникационных особенностей, восходящих иногда к предшествующему периоду («память жанра», по М. М. Бахтину).

4.0.0. Определяя культуру как некоторый вторичный язык, мы вводим понятие «текст культуры», текст на данном вторичном языке. Поскольку тот или иной естественный язык входит в язык культуры, возникает вопрос о соотношении текста на естественном языке и словесного текста культуры. Здесь возможны следующие соотношения:

а) Текст на естественном языке не является текстом данной культуры. Таковы, например, для культур, ориентированных на письменность, все тексты, социальное функционирование которых подразумевает устную форму. Все

высказывания, которым данная культура не приписывает ценности и значения (например, не хранит), с её точки зрения, текстами не являются¹.

б) Текст на данном вторичном языке одновременно является текстом на естественном языке. Так, стихотворение Пушкина — одновременно текст на русском языке.

в) Словесный текст культуры не является текстом на данном естественном языке. Он может при этом быть текстом на другом естественном языке (латинская молитва для славянина) или же образовываться путем незакономерной трансформации того или иного уровня естественного языка (ср. функционирование подобных текстов в детском творчестве)².

В поэтических текстах Хлебникова есть такие фрагменты, которые по своей фонологической структуре («бобзоби»), морфологическому или лексическому составу («лукает луком», «смеянствует смехами» и другие неологизмы, основанные на воскрешении архаического приема *figura etymologica*, характерного для славянской поэзии, начиная с древнейшего периода) и синтаксическим конструкциям («ты стоишь что делая») не принадлежат к правильно построенным текстам, с точки зрения общего языка.

Но каждый такой фрагмент, благодаря вхождению его в текст, признаваемый в качестве отмеченного с точки зрения поэзии, тем самым становится и фактом истории языка русской поэзии. Аналогичные явления на более ранних этапах эволюции можно отметить по отношению к тем формам фольклора, например небывальщинам и нелепицам, где нарушение семантических норм, принятых в общем языке, становится основным принципом композиции.

4.0.1. Существенным является вопрос о построении типологии культур в связи с соотношением текста и функции. Под текстом понимается только такое сообщение, которое внутри данной культуры составлено по определенным порождающим правилам. В более общем виде это положение применимо к любой семиотической системе. Внутри другого языка или другой системы языков то же сообщение текстом может не являться. Здесь можно видеть общесемиотический аналог языкового понятия грамматической правильности, кардинально важного для современной теории формальных грамматик. Не всякое языковое сообщение является текстом с точки зрения культуры и обратно — не всякий текст с точки зрения культуры представляет собой правильное сообщение на естественном языке.

4.1.1. Традиционная история культуры учитывает для каждого хронологического среза только «новые» тексты, тексты, созданные данной эпохой. В реальном же существовании культуры всегда наряду с новыми функционируют тексты, переданные данной культурной традицией или занесенные извне.

¹ Следует отличать не-текст от «анти-текста» данной культуры: высказывание, которое не хранят, от высказывания, которое уничтожают.

² Редки, но возможны случаи, когда осознание того или иного сообщения как текста на данном языке определяется фактом принадлежности к тексту культуры.

Это придает каждому синхронному состоянию культуры черты культурного полиглотизма. Поскольку на разных социальных уровнях скорость культурного развития может быть неодинаковой, синхронное состояние культуры может включать в себя её диахронию и активное воспроизведение «старых» текстов. Ср., например, живое бытование допетровской культуры у русских старообрядцев XVIII—XIX вв.

5.0.0. Место текста в текстовом пространстве определяется как отношение данного текста к совокупности потенциальных текстов.

5.0.1. Связь семиотического понятия текста с традиционными филологическими задачами особенно ярко видна на примере славяноведения как науки. Объектом славяноведческих изучений неизменно являлась некоторая сумма текстов. Но по мере движения научной мысли и лежащего в основе ее общего движения культуры одни и те же произведения могут то приобретать, то терять способность выступать в качестве текстов. Показательный пример в этом отношении — литература Древней Руси. Если объем источников здесь сравнительно стабилен, то список текстов существенно варьируется от одной научной школы к другой и от одного исследователя к другому, поскольку отражает сформулированное или имплицитное понятие текста, всегда коррелирующее с концепцией древнерусской культуры. Источники, не удовлетворяющие этому понятию, переводятся в разряд «не-текстов». Наглядный пример — колебания в отнесении тех или иных произведений к художественным текстам, в зависимости от различного наполнения понятия «художественная культура средневековья».

5.1.0. Широкое понимание науки о текстах согласуется с традиционными приемами славяноведения, которое и прежде обнимало и синхронно толкуемые славянские тексты (например, церковнославянские), и сравниваемые в диахроническом плане тексты различных периодов. Представляется важным подчеркнуть при этом, что широкий типологический подход снимает абсолютность противопоставления синхронии и диахронии. В этой связи стоит отметить особую функцию языков, претендующих на роль основного инструмента межъязыкового общения и связующего звена между разными эпохами хотя бы в определенных частях славянского ареала, и прежде всего роль церковнославянского языка и текстов, написанных на разных его изводах. Поэтому наряду с соотношением синхронии и диахронии можно выдвинуть и проблему панхронического функционирования языка (в данном конкретном случае церковнославянский язык играл прежде всего роль языка православного общения). Это тем более представляется существенным, что по отношению к абсолютной шкале времени разные славянские культурные традиции организованы по-разному (ср., с одной стороны, обилие пережитков праславянской древности в восточнославянской области в той сфере, которую можно назвать «низовой культурой», с другой стороны — вхождение некоторых ареалов, в частности западнославянских и части южнославянских в другие куль-

турные зоны), что обуславливает дискретность в структуре диахронии этих славянских культур в отличие от непрерывности других традиций.

5.2.0. Для исторической реконструкции, применительно к славянским текстам, синхронное сравнение текстов, принадлежащих к разным славянским языковым традициям, в ряде случаев может дать больше, чем сопоставление внутри одного эволюционного ряда; на этом пути возможно получение плодотворных результатов при решении традиционной для филологии задачи реконструкции не дошедших до исследователя текстов. Для минимальных текстов — комбинации морфем в словах или отдельных морфем — такой подход практически реализуется в сравнительно-историческом славянском языкознании. В настоящее время его можно расширить на всю область реконструкции славянских древностей — от метрики до жанровых характеристик фольклорных текстов, мифологии, ритуала, понимаемого как текст, музыки, одежды, орнамента, быта и пр. Обилие разнообразных воздействий других традиций по отношению к позднейшим периодам (например, восточных и позднее — западноевропейских форм одежды по отношению к истории костюмов восточнославянских народов) делает диахроническое развитие в большой степени прерывным (связанным с далеко идущими нарушениями традиций). Для цели восстановления исходных общеславянских форм анализ этого развития может быть важен главным образом в аспекте вычленения позднейших наслоений. Более эффективным способом решения той же задачи диахронического расслоения и проекции древнейшего пласта на общеславянский период может оказаться сопоставление синхронных срезов каждой из славянских традиций.

5.2.1. Реконструкцией текстов практически занимаются все филологи — от специалистов по славянским древностям и фольклору до исследователей литературы нового времени (реконструкция авторского замысла или художественного произведения, восстановление утраченных текстов и их частей, реконструкция читательского восприятия по отзывам современников, реконструкция устных источников и их места в системе письменной культуры; при изучении истории театра и актерской игры объектом исследования являются, прежде всего, реконструкции и т. д.). В известной мере всякое чтение поэтической рукописи есть реконструкция творческого процесса и последовательное снятие пластов заполнения, ср. подход к чтению рукописи как реконструкции в пушкиноведческой текстологии в 1920—1940 гг. Накопленный в разных областях славянской филологии эмпирический материал позволяет поставить вопрос о создании общей теории реконструкции, основанной на единой системе постулатов и формализованных процедурах. Существенным представляется при этом сознательный подход к проблеме уровня реконструкции, предствление о том, что разные уровни реконструкции требуют различных процедур и приводят к специфическим в каждом случае результатам. Реконструкция может производиться на самом высшем уровне, чисто семантическом, который, в конечном счете, переводим на язык некоторых универсалий.

При постановке же ряда задач может совершаться однотипный выход за пределы реконструируемого материала в другие структуры той же национальной культуры. По мере перекодирования семантических сообщений на более низких уровнях решаются всё более специфические задачи, вплоть до таких, которые непосредственно связывают реконструкцию текста с лингвистическими исследованиями. Наиболее ощутимые результаты реконструкции достигнуты на крайних уровнях, соответствующих семиотическим категориям означаемого и означающего, что, возможно, связано с тем, что именно эти уровни в наибольшей мере соответствуют текстовой реальности, в то время как промежуточные уровни в большей мере соотносены с принятой при описании метаязыковой системой.

5.2.2. Представление текста на естественном языке можно было бы описать, исходя из идеализированной схемы работы автомата, который преобразует текст, последовательно развертывая его от общего замысла к низшим уровням, причем каждому из уровней или некоторой комбинации разных уровней в принципе может соответствовать запись текста с помощью выводящего устройства:

Если графическое выводящее устройство соответствует уровню фонем, то это означает, что сообщение, передаваемое с помощью этого устройства, представляет собой последовательность фонем, т. е. в передатчике (понима-

емом согласно теоретико-информационной модели передачи сообщения) с каждой из фонем по кодовой таблице сопоставляется некоторый сигнал — буква; примером может быть буквенное письмо типа сербского. Если же выводящее устройство соответствует уровню общего замысла текста, то это означает, что сообщение, передаваемое с помощью этого устройства, представляет собой общую идею текста в еще не расчлененном виде, т. е. в передатчике с этой идеей сопоставляется кодирующий её символ (причем не исключено, что этот символ является единственным образующим весь код, или, тем самым, внесистемным знаком). В качестве примера можно привести такие общие символы, как например, солярные изображения, птиц и коней или комбинации всех этих трех символов в растительном оформлении, образующих единый текст; при этом по отношению к древнейшему периоду, совпадающему с праславянским, они представляли собой единый текст со строгим соотношением символов-элементов внутри него и с единой семантикой для всего текста и вполне определенной семантикой каждого элемента; в дальнейших же отражениях в отдельных славянских традициях (в орнаменте, например, на прялках, на саях, возках; разных предметах утвари — ларцах, сундуках, вышивках на одежде, резных украшениях из дерева, в частности, на крышах жилищ; на ритуальных изделиях из теста — пирогах, караваях, на детских игрушках и т. д.) они выступают как части вторичного текста, построенного путём «перемешивания» первоначальных составных частей, утрачивающих свою синтаксическую функцию по мере забвения основной семантики текста. Для более раннего периода реконструкция текста, описывающего мировое дерево, свистила над ним, птиц, животных, расположенных на нём и при нём, подтверждается наличием полностью совпадающих друг с другом словесных текстов разных жанров (заговоры, загадки, песни, сказки) во всех главных славянских традициях. Вместе с тем оказывается, что такая реконструкция текста соответствует, с одной стороны, общиндоевропейской, произведенной без учета славянских данных на основе совпадения индо-иранских текстов с древнеисландскими, с другой стороны, типологически сходным текстам различных евразийских шаманских традиций.

5.2.3. Для подобных реконструкций даже при невозможности нахождения языковых элементов, воплощающих текст на низшем уровне, его семантическая реконструкция облегчается благодаря типологическому сходству культурных комплексов, пользующихся практически единым набором основных семантических противопоставлений (типа восстановленных для праславянского: доля — недоля, жизнь — смерть, солнце — луна, земля — море и т. д.). В указанных случаях может быть выдвинута и гипотеза о сходных возможностях социальной интерпретации подобных систем; в связи с этим следует отметить возможность включения в соответствующие культурные комплексы (понимаемые расширенно для древнейших периодов при определенном типе социальной организации) и таких проявлений социальных структур, как форма

позелений и жилищ, правила, предписания и запреты, касающиеся допустимых и в особенности обязательных типов браков и связанных с ними черт функционирования терминов родства. Поэтому данные, полученные при применении структурных методов к реконструкции славянских древностей, оказываются существенными не только для истории культуры в узком смысле, но и для исследования ранних этапов социальной организации славян (в том числе и для интерпретации археологических данных). Этим ещё раз подтверждается реальное единство славяноведения как науки о славянских древностях, понимаемых как единое семиотическое целое, и о позднейшей трансформации и дифференциации соответствующих традиций.

6.0.0. С семиотической точки зрения культуру можно рассматривать как иерархию частных семиотических систем, как сумму текстов и соотношенного с ними набора функций или как некоторое устройство, порождающее эти тексты. При рассмотрении некоторого коллектива как более сложно построенного индивида, культура может быть осмыслена по аналогии с индивидуальным механизмом памяти как некоторое коллективное устройство по хранению и переработке информации. Семиотическая структура культуры и семиотическая структура памяти представляют собой функционально-однотипные явления, расположенные на разных уровнях. Положение это не противоречит динамизму культуры: будучи в принципе фиксацией прошлого опыта, она может выступать и как программа, и как инструкция для создания новых текстов. Кроме того, возможно, при принципиальной ориентации культуры на будущий опыт конструирование некоторой условной точки зрения, с которой будущее выступает как прошлое. Например, создаются тексты, которые будут храниться потомками, люди, осмысляющие себя в качестве «деятелей эпохи» стремятся совершать исторические поступки (деяния, которые в будущем станут памятью). Ср. стремление людей XVIII в. избирать героев античности в качестве программ своего поведения (образ Кагона — своеобразный код, дешифрующий всё жизненное поведение Радищева, включая самоубийство). Сущность культуры как памяти особенно наглядно проявляется на примере архаических текстов, в частности, фольклорных.

6.0.1. Не только участники коммуникации создают тексты, но и тексты содержат в себе память об участниках коммуникации. Поэтому усвоение текстов иной культуры приводит к трансляции через века определенных структур личности и типов поведения. Текст может выступать в качестве свернутой программы целой культуры. Усвоение текстов из другой культуры приводит к явлению поликультурности, возможности, оставаясь в рамках одной культуры, избирать условное поведение в стиле другой. Явление это возникает лишь на определенных этапах общественного развития и в качестве внешнего знака имеет, в частности, возможность избирать тип одежды (ср. выбор между «венгерским», «польским» или «русским» платьем в русской культуре конца XVII — нач. XVIII вв.).

6.0.2. Для периода, начинающегося с праславянского и доходящего в отдельные славянских традициях до нового времени, коллективный механизм хранения информации («память») обеспечивает передачу от поколения к поколению фиксированных жестких схем текстов (метрических, транслингвистических и т. д.) и целых их фрагментов (*loci communi* по отношению к фольклорным текстам). Древнейшие знаковые системы этого типа, где литература сводится к воплощению передающихся по наследству мифологических сюжетов с помощью ритуальных формул, в плане социальной интерпретации могут быть синхронизированы с жестко детерминированными системами отношений, где все возможности исчерпаны правилами, соотнесенными с мифологическим прошлым и с циклическим ритуалом. Напротив, более развитые системы в коллективах, поведение которых регулируется памятью об их реальной истории, прямо соотносятся с типом литературы, где основным принципом становится поиск наименее статистически частых (и, следовательно, несущих наибольшее количество информации) приемов. Сходные рассуждения можно было бы предложить и по отношению к другим областям культуры, где самое понятие развития (т. е. направленности во времени) неотделимо от накопления и переработки информации, постепенно используемой для внесения соответствующих корректив в программы поведения: этим объясняется регрессивная роль искусственной мифологизации прошлого, создающей миф вместо исторической реальности. В этом смысле типология отношений к общеславянскому прошлому может оказаться полезной для исследования наследия славянофилов и его роли. Можно учитывать возможности такой диахронической трансформации индоевропейской культуры, которая не всегда предполагает развитие в сторону усложнения организации (усложнение понимается при этом в чисто формальном плане как функция меры числа элементов, характеристик их порядка и связей между ними и мерности всей культуры). Современные исследования индоевропейских установлений в их отношении к праславянскому позволяют поставить вопрос о возможности в некоторых случаях движения не в сторону увеличения количества информации, а в сторону увеличения количества энтропии в общеславянских текстах, по сравнению с общеиндоевропейскими (а иногда и в отдельных славянских по сравнению с общеславянскими). В частности, дуально-экзогамные структуры, видимо, коррелирующие с двоичной символической классификацией, восстанавливаемой для праславянского, представляют собой более архаический пласт, чем структуры, восстанавливаемые для общеиндоевропейского; но это может объясняться не большей архаичностью славянского мира, а некоторыми вторичными процессами, приведшими к упрощению структур. Во всех таких случаях при реконструкции возникает задача снятия шума, наложенного на текст при передаче по диахроническому каналу связи между поколениями. В этой связи с явлениями, обнаруживаемыми во вторичных моделирующих системах, можно сравнить явное уменьшение сложности (и уве-

личение простоты) организации текста на морфологическом уровне при переходе от индоевропейского к (позднему) праславянскому периоду действия закона открытых слогов (под простотой здесь понимается уменьшение числа элементов и правил их дистрибуции).

6.1.0. Для функционирования культуры и соответственно для обоснования необходимости применения при её изучении когнитивных методов, основополагающее значение имеет тот факт, что одна изолированная семиотическая система, сколь бы совершенно она организована ни была, не может составить культуры — для этого необходима в качестве минимального механизма, пара соотнесенных семиотических систем. Текст на естественном языке и рисунок манифестируют наиболее обычную систему из двух языков, составляющую механизм культуры. Стремление к гетерогенности языков — характерная черта культуры.

6.1.1. В этой связи особую роль приобретает явление двуязычия, чрезвычайно важное для славянского мира и во многом определяющее специфику славянских культур. При всём разнообразии конкретных условий билингвизма в разных славянских областях, иной язык всегда выступал как иерархически высший, играя роль образца-эталона для формирования текстов. Ориентация на «чужой» язык имеет место и тогда, когда в культуре происходит движение к демократизации языковых средств. Так, пушкинские слова о том, что учиться языку надо у московских просвирен, подразумевают обращение к народному языку, как к языку иному. Эта закономерность проявляется тогда, когда аксиологически высшей становится социально «низшая» система. Специфические функции второго славянского языка (обычно церковнославянского) в подобной паре структурно равноценных языков делают материал славянских культур и языков особенно ценным не только для исследования проблем двуязычия, но и для выяснения ряда процессов, гипотетически связываемых с двуязычием и многоязычием (возникновение романа и роль двуязычия и многоязычия для этого жанра, приближение к разговорному языку как одна из социальных функций поэзии; ср. идею «обмирщения» языка русской поэзии в статьях Мандельштама).

6.1.2. На фоне бесспорных связей, установленных через посредство языковых средств воплощения текстов, к кругу текстов, изучаемых науками славяноведческого комплекса, могут быть отнесены тексты, написанные на заведомо неславянских языках, но функционально значимые в своей противопоставленности соответствующим славянским (латинский язык научных сочинений Яна Гуса в отличие от старочешского, французский язык статей Тютчева). В этой связи особый интерес может представлять анализ латинских и итальянских текстов в сопоставлении со славянскими текстами времени ренессансного двуязычия в славянском мире (ср. характерные латинско-польские и итальянско-хорватские макаронические стихотворные тексты более позднего барочного времени), анализ французских текстов в сопоставлении с их русскими

эквивалентами в русской литературе первой половины XIX в. (одно и то же стихотворение Баратынского на французском и русском языках, французские записи Пушкина в сравнении с — отчасти параллельными им — русскими его сочинениями и т. д.), французско-русское двуязычие, изображаемое и используемое как художественный прием в русском романе XIX в.

6.1.3. Как система систем, базирующаяся, в конечном счете, на естественном языке (это и имеется в виду в термине «вторичные моделирующие системы», которые противопоставляются «первичной системе», то есть естественному языку), культура может рассматриваться как иерархия попарно соотнесенных семиотических систем, корреляция между которыми, в значительной степени, реализуется через соотнесение с системой естественного языка. Связь эта особенно наглядно выступает при реконструкции праславянских древностей в силу большего синкретизма архаических культур (ср. связь определенных ритмических, мелодических типов с метрическими, в свою очередь обусловленными правилами синтаксической акцентологии; прямое отражение обрядовых функций в языковых обозначениях таких элементов ритуальных текстов, как названия обрядовой еды).

6.1.4. Положение о недостаточности только естественного языка для построения культуры можно связать с тем, что и сам естественный язык не представляет собой строго логической реализации одного структурного принципа.

6.1.5. Степень осознания единства всей системы систем внутри данной культуры различна, что само по себе может рассматриваться в качестве одного из критериев типологической оценки данной культуры. Эта степень очень высока в богословских построениях средневековья и в тех позднейших культурных движениях, где, как у гуситов, можно видеть возврат к той же архаической концепции единства культуры, наполняемой новым содержанием. Однако, с точки зрения современного исследователя, культура, представители которой мыслят её как единую, оказывается устроенной более сложным образом: внутри средневековой культуры выделяется пласт открытых М. М. Бахтиным «неофициальных карнавальных явлений» (на славянской почве продолжающихся в таких текстах, как старочешская мистерия *Unguentarius*); в гуситской литературе обнаруживается значимое противопоставление латинских научных текстов и обращенных к другому адресату (массовому) произведений публицистической литературы. Для некоторых периодов, характеризующихся художественной установкой на отправителя сообщения, в то же время специфичен максимально широкий набор денотатов и концептов внутри сообщений, исходящих от одного автора (Комениус, Бошкович, Ломоносов), что может служить дополнительным доводом, говорящим в пользу единства культуры (включающей в этих случаях и естественные науки, и ряд наук о человеке и т. д.). Последнее имеет исключительное значение для строгого обоснования самого предмета славяноведения как науки о синхронном и диахрон-

ном функционировании культур, связанных благодаря их соотносению с одним славянским языком или же с двумя славянскими языками, в качестве одного из которых в ряде культур выступал церковнославянский. Знание общности языковых традиций, используемых в каждой из данных культур, служит (не только в теории, но и в практическом поведении носителей соответствующих традиций) предпосылкой для осознания их различий. Эти последние для славянского мира связываются не столько с чисто языковыми (морфологическими) правилами перекодирования, которые при их относительной простоте могли бы и не затруднить взаимопонимания, сколько с культурно-историческими (для ранних периодов прежде всего конфессиональными) различиями. Тем самым делается очевидной необходимость такого изучения славянских культур, которое, постоянно имея в виду связующую роль языковой общности, выходило бы за рамки собственно-лингвистического и учитывало бы все внеязыковые факторы, сказавшиеся, в частности, и на языковой дифференциации. Таким образом, анализ славянских культур и языков может оказаться удобной моделью для исследования взаимоотношений между естественными языками и вторичными (надязыковыми) моделирующими семиотическими системами.

Под «вторичными моделирующими системами» имеются в виду такие семиотические системы, с помощью которых строятся модели мира или его фрагментов. Эти системы являются вторичными по отношению к первичному естественному языку, над которым они надстраиваются — непосредственно (надязыковая система художественной литературы) или в качестве параллельных ему форм (музыка или живопись).

6.2.0. В системе культуuroобразующих семиотических оппозиций особую роль играет противопоставление дискретных и недискретных семиотических моделей (дискретных и недискретных текстов), частным проявлением которого может выступать антитеза иконических и словесных знаков. Это придает традиционной проблеме сопоставления изобразительных и словесных искусств новый смысл: можно говорить об их взаимной необходимости для образования механизма культуры и о необходимости им быть разными по принципу семиозиса, то есть эквивалентными, с одной стороны, и не до конца взаимопереводимыми — с другой. Поскольку разные национальные традиции имеют различную логику, скорость эволюции, восприимчивость к инонациональным влияниям в пределах дискретных и недискретных текстообразующих систем, напряжение между ними создает возможность большого разнообразия комбинаций, существенного, например, для построения исторической типологии славянских культур. Особый интерес может представить выявление одних и тех же закономерностей построения текста (например, характерного для барокко) на материале преимущественно непрерывных (живописных) и преимущественно дискретных (словесных) текстов. В этом плане важна проблема экранизации как эксперимента по переводу дискретного сло-

весного текста в непрерывный, лишь сопровождаемый фрагментами дискретного (например, *Березняк* Ивашкевича и соответствующий ему телефильм Вайды, где роль словесного текста сведена к минимуму ввиду значимости музыки для звуковой стороны картины).

7.0.0. Одной из существенных проблем изучения семиотики и типологии культур является постановка вопроса об эквивалентности структур, текстов, функций. Внутри одной культуры выдвигается вперед проблема эквивалентности текстов. На ней строится возможность перевода внутри одной традиции. При этом, поскольку эквивалентность не есть тождество, перевод из одной системы текста в другую всегда включает некоторый элемент непереводаемости. При семиотическом подходе соотносимы и отождествляемы по принципам организации конкретные тексты, а не системы, сохраняющие автономность при сколь угодно далеко идущей тождественности порождаемых ими текстов. Поэтому задача реконструкции текстов на разных подъязыках порой оказывается более достижимой, чем реконструкция самих этих подъязыков. Последнюю задачу часто приходится решать, опираясь на типологические сопоставления с другими культурными ареалами. Применительно к традиционным задачам славяноведения компаративистические проблемы могут быть при этом истолкованы как трансляция текстов по разным каналам.

7.0.1. При этом существенно различать три случая: трансляцию некоторого инославянского текста по каналу, выход которого осуществляется на другом славянском языке (простейший пример — перевод с одного славянского языка на другой, польско-украинско-русские связи XVI—XVII вв.); трансляцию некоторого текста, созданного в другой традиции, по двум (или более) таким каналам (простейший пример — разные изводы церковнославянских переводов евангелия, переводы одного и того же текста западной литературы на разные славянские языки); наконец, трансляцию текста по каналам, из которых только один на выходе представлен реализацией его на славянском языке (случай, когда литературные или иные культурные контакты в пределах славянского ареала ограничены только одной национальной или языковой традицией), как например, ряд явлений, связанных с турецко-болгарским лексическим контактом; к последнему типу явлений относятся, видимо, связи между миннезангом и формами старочешских любовных лирических текстов. Относительно меньшая значимость третьего случая по сравнению с двумя первыми говорит в пользу мнения, согласно которому история славянских литератур должна строиться прежде всего как сравнительная. На фоне наличия какого-либо явления в других славянских традициях его отсутствие или борьба с ним (например, байронизм в словацкой литературе) оказывается особенно значимым. Трансляция на относительно высоких уровнях (в частности, на уровне образной и стилистической организации текста) характерна для памятников славянской письменности позднего средневековья. Этим объясняется, с одной стороны, сложность их организации (обусловленная длитель-

ностью эволюции и коллективного отбора текстов не в славянском мире, а внутри византийской традиции), с другой стороны, относительно малая их значимость (если говорить о высших уровнях, а не об уровне собственно языковой лексики) для праславянских реконструкций. Отражение при трансляции на славянской почве традиции, объясняемой длительным предварительным отбором текстов, представляется важным и для истории литературы Далмации XVI в., и для ряда славянских литератур последних веков. Особый случай представлен такой трансляцией, при которой принципиально изменяется характер верхних уровней текста, но сохраняется ряд существенных признаков низших, в частности, иконических уровней, как это произошло при отождествлении (на низших уровнях, для определенной аудитории наиболее значимых) восточнославянских языческих богов с православными святыми (ср. такие пары, как Волос — Власий, Мокошь — Параскева Пятница, отражение древнего близнечного культа в образах Флора и Лавра). Проблема славянских—неславянских контактов и связанных с ними трансляций требует весьма расширительного понимания всей рассматриваемой культуры с включением в неё «подъязыковых систем» — обихода, быта и технологии (в том числе ремесел); подъязыковыми называются такие семиотические системы, каждый из элементов которых является денотатом слова (или словосочетания) естественного языка. Неславянские влияния, часто более заметные в этих областях (и непосредственно с ними связанных сферах языковой терминологии), лишь на следующих этапах могут обнаружиться во вторичных надъязыковых системах, здесь наглядно обнаруживающих своё принципиальное отличие от «подъязыковых», которые не строятся на основе знаков и текстов естественного языка и не могут быть в них транспонированы. В отличие от этой закономерности, характерной для поздних периодов контакта с западными культурными зонами, более ранние контакты с Византией сказывались прежде всего в сфере вторичных моделирующих систем.

7.1.0. От транспозиции текстов внутри одной культурной традиции отличается типологически сходный с ней перевод текстов, относящихся к различным традициям. Для славянского культурного мира по собственно языковым причинам (имеется в виду сохранившееся сходство на разных уровнях и роль церковнославянской стихии) перевод часто совпадает с реконструкцией. Это относится не только к очевидным словарным и фонологическим соответствиям, но и, например, к таким явлениям, как предвосхищение реконструкции праславянских метрических схем в ритмической системе *Песен западных славян* Пушкина, интуитивно сопоставившего те же две традиции — восточнославянскую и сербско-хорватскую — на которых основываются и современные реконструкции. Ср. также опыты Ю. Тувима по моделированию фонетической структуры русской речи в пределах польского стиха при сознательном отказе от ориентации на лексические соответствия. В свете изложенной концепции уместно указать на историческую заслугу Крижанича, в более

близкое к нам время — на аналогичный подход, характерный для Бодуэна де Куртене, по мнению которого соответствия между славянскими языками представляют собой фонетический перевод.

8.0.0. Взгляд, согласно которому культурное функционирование не совершается в пределах одной какой-либо семиотической системы (и, тем более, — уровня системы), подразумевает, что для описания жизни текста в системе культур или внутренней работы составляющих его структур недостаточно описания имманентной организации отдельных уровней. Выдвигается вперед задача изучения связей между структурами различных уровней. Подобные взаимосвязи могут проявляться как в появлении промежуточных уровней, так и в структурном изоморфизме, иногда наблюдаемом на различных уровнях. Благодаря явлению изоморфизма мы можем переходить от одного уровня к другому. Подход, который суммируется в предлагаемых тезисах, характеризуется преимущественным вниманием к перекодировкам при переходе от одного уровня к другому, в отличие от имманентных описаний уровней на более ранних стадиях формализованных описаний. С этой точки зрения *Анаграммы* Ф. де Соссюра оказываются более современными, чем чисто имманентные опыты ранних стадий формального литературоведения.

8.0.1. Переход от одного уровня к другому может произойти с помощью правил замены (*rewriting rules*), при которых элемент, представленный на высшем уровне одним символом, на низшем уровне развертывается в целый текст (при обратной последовательности перехода понимаемый соответственно как отдельный знак, включаемый в более широкий контекст). Здесь, как и в других подобных случаях, выявленных в современной лингвистике, порядок правил, описывающих операции синхронного синтеза текста, может совпадать с порядком диахронического развития (ср. совпадение порядка правил синхронного синтеза словоформы из составляющих её морфем с диахроническим явлением опрошения, описанным на материале истории славянского имени существительного). При этом как в синхронном, так и в диахроническом описании предпочтение отдается контекстуально связанным правилам, где для каждого символа x указывается контекст $A-B$, в котором осуществляется его замена текстом T :

$$x \rightarrow T(A-B)$$

8.0.2. В последние годы интерес специалистов по структурной поэтике сосредоточен на изучении межуровневых отношений, поэтому, например, звукописью занимаются не безотносительно к смыслу, а по отношению к нему. В процессе поуровневого перекодирования переплетаются результаты разных этапов доведения частей синтезируемого текста до знака, реально воплощаемого в звуковом или оптическом сигнале. Проблематичной остается возможность экспериментального разделения разных этапов в процессе синтеза художественного текста, так как в нем поверхностная структура, опре-

деляемая формальными ограничениями, может влиять на глубинную образную структуру. Это следует, в частности, из выявленного в свете поэтики соотношения $\beta \leq \gamma$, по которому при увеличении коэффициента β , показывающего меру ограничений, наложенных на поэтическую форму, необходимо увеличение числа γ , определяющего гибкость поэтического языка, т. е., в частности, числа синонимических перифраз, достигаемых за счет переносных и образных словоупотреблений, необычных словосочетаний и т. д. Поэтому выявление меры формальных ограничений в работах по сравнительной славянской поэтике, установление таких теоретико-информационных параметров отдельных славянских языков, как гибкость (γ) и энтропия (H), и уточнение задач и возможностей перевода с одного славянского языка на другой оказываются разными сторонами одной проблемы, которая может быть исследована только на основании предварительных изысканий в каждой из этих областей.

9.0.0. В соединении различных уровней и подсистем в единое семиотическое целое «культура» работают два взаимно противоположных механизма:

а) Тенденция к разнообразию — увеличению разно организованных семиотических языков, «полиглотизм» культуры.

б) Тенденция к единообразию — стремление осмыслить самое себя или другие культуры как единые, жестко организованные языки.

Первая тенденция проявляется в постоянном создании новых языков культуры и неравномерности её внутренней организации. Разным областям культуры присуща различная мера внутренней организации. Создавая внутри себя очаги предельной организации, культура нуждается и в относительно аморфных, лишь структуроподобных образованиях. В этом смысле характерно систематическое выделение внутри исторически данных структур культуры областей, которые должны стать как бы моделью организации культуры как таковой. Особенно интересно изучение различных искусственно создаваемых знаковых систем, стремящихся к предельной упорядоченности (таковы, например, культурная функция чинов, мундиров и знаков различия в «регулярном» государстве Петра I и его преемников — сама идея «регулярности», входя в единое культурное целое эпохи, составляет дополнительную величину к пестрой неупорядоченности реальной жизни тех лет). Большой интерес представляет, с этой точки зрения, изучение метатекстов: инструкций, «регламентов» и наставлений, представляющих систематизированный миф, создаваемый культурой о себе. Показательна при этом роль, которую играют на разных этапах культуры языковые грамматики как образцы для упорядочивающих, «регулирующих» текстов разного рода.

9.0.1. Роль искусственных языков и математической логики в развитии таких областей знания, как структурная и математическая лингвистика или семиотика, может быть описана как один из примеров создания «очагов упорядоченности». Одновременно сами эти науки в общем контексте культуры XX в. в целом играют аналогичную роль.

9.0.2. Существенным механизмом, придающим единство различным уровням и подсистемам культуры, является её модель самой себя, возникающий на определенном этапе миф культуры о себе. Он выражается в создании автохарактеристик (например, метатекстов типа *Поэтического искусства* Буало, что особенно характерно для эпохи классицизма, ср. нормативные трактаты русского классицизма), которые активно регулируют строительство культур как целого.

9.0.3. Другим механизмом унификации является ориентированность культуры. Определенная частная семиотическая система получает значение доминирующей и её структурные принципы проникают в другие структуры и в культуру в целом. Так можно говорить о культурах, ориентированных на письменность (текст) или на устную речь, на слово и на рисунок. Может существовать культура, ориентированная на культуру или на внекультурную сферу. Ориентированность культуры на математику в эпоху рационализма или (в определенной мере) в начале второй половины XX в. может быть сопоставлена с ориентированностью культуры на поэзию в годы романтизма или символизма.

В частности, ориентированность на кино связана с такими чертами культуры XX в., как господство монтажного принципа (уже начиная с кубистических построений в живописи и в поэзии, хронологически предшествовавших победе монтажного приема в немом кино; ср. также позднейшие опыты типа «киноглаза» в прозе, сознательно построенные по образцу неигровых монтажных фильмов; характерен и параллелизм монтирования разновременных отрезков в кино, современном театре и в прозе, например, у Булгакова), обыгрывание и противопоставление разных точек зрения (с чем связано и увеличение удельного веса сказа, несобственно-прямой речи и внутреннего монолога в прозе; с художественной практикой согласуется и далеко зашедший, а у ряда исследователей ставший осознанным, параллелизм в осмыслении значимости точки зрения для теории прозы, теории языка живописного произведения и теории кино), преимущественное внимание к детали, подаваемой крупным планом (метонимическое направление в художественной прозе; с этой же стилистической доминантой связано и значение детали как ключа к сюжетному построению в таких жанрах массовой литературы, как детектив).

9.1.0. Научное исследование не только инструмент изучения культуры, но и само входит в её предмет. Научные тексты, являясь метатекстами культуры, одновременно могут рассматриваться и в качестве её текстов. Поэтому любая значительная научная идея может рассматриваться и как попытка познания культуры, и как факт её жизни, через который сказываются её порождающие механизмы. С этой точки зрения можно было бы поставить вопрос о современных структурно-семиотических изучениях как явлении славянской культуры (роль чешской, словацкой, польской, русской и других традиций).

THESES ON THE SEMIOTIC STUDY OF CULTURES (AS APPLIED TO SLAVIC TEXTS)*

1.0.0. In the study of culture the initial premise is that all human activity concerned with the processing, exchange, and storage of information possesses a certain unity. Individual sign systems, though they presuppose immanently organized structures, function only in unity, supported by one another. None of the sign systems possesses a mechanism which would enable it to function culturally in isolation. Hence it follows that, together with an approach which permits us to construct a series of relatively autonomous sciences of the semiotic cycle, we shall also admit another approach, according to which all of them examine particular aspects of the *semiotics of culture*, of the study of the functional correlation of different sign systems. From this point of view particular importance is attached to questions of the hierarchical structure of the languages of culture, of the distribution of spheres among them, of cases in which these spheres intersect or merely border upon each other.

1.1.0. In investigations of a semiotic-typological nature the concept of culture is perceived as fundamental. In doing so we should distinguish between the conception of culture from its own point of view and from the point of view of a scientific metasystem which describes it. According to the first position, culture will have the appearance of a certain delimited sphere which is opposed to the phenomena of human history, experience, or activity lying outside it. Thus the concept of culture is inseparably linked with the opposition of its "non-culture". The principle according to which this is done (the antithesis of true religion and profanity, of enlightenment and ignorance, of belonging to a certain ethnic group or not belonging to it, and the like) pertains to the type of the given culture.

Yet the very opposition of inclusion in some closed sphere and exclusion from it constitutes a significant feature of our interpretation of the concept of culture from the "inner" point of view. Herein occurs a

* In: J. van Eng (ed). *Structure of Texts and Semiotics of Culture*. The Hague, Paris: Mouton, 1973, 1-28

characteristic absolutization of the opposition: it seems that culture does not need its "outer" counteragent and can be understood immanently.

1.1.1. From this point of view the definition of culture as the sphere of organization (information) in human society and the opposition to it of disorganization (entropy) is one of the many definitions given "from within" the object being described, which is further evidence of the fact that science (in this case, information theory) in the twentieth century is not only a metasystem but is also part of the object described, "modern culture".

1.1.2. The opposition "culture-nature", "done-undone" ("artificial-non-artificial") is likewise merely a particular historically conditioned interpretation of the antithesis of inclusion and exclusion. Let us point out that the antithesis "culture-civilization", which was prevalent in Russian culture at the beginning of the twentieth century (A. Blok), regards culture as a structure which is organized but not by man – rather by the "spirit of music" – and is therefore "primeval". As for the feature of doneness ("artificialness") it is ascribed to the antipode of culture – civilization.

1.2.0. To describe them from the outer point of view, culture and non-culture appear as spheres which are mutually conditioned and which need each other. The mechanism of culture is a system which transforms the outer sphere into the inner one: disorganization into organization, ignoramuses into initiates, sinners into holy men, entropy into information. By virtue of the fact that culture lives not only by the opposition of the outer and the inner spheres but also by moving from one sphere to the other, it does not only struggle against the outer "chaos" but has need of it as well; it does not only destroy it but continually creates it.

One of the links between culture and civilization (and "chaos") consists in the fact that culture continually estranges, in favor of its antipode, certain "exhausted" elements, which become clichés and function in nonculture. Thus in culture itself entropy increases at the expense of maximum organization.

1.2.1. In this connection it may be said that each type of culture has its corresponding type of "chaos", which is by no means primary, uniform, and always equal to itself, but which represents just as active a creation by man as does the sphere of cultural organization. Each historically given type of culture has its own type of nonculture peculiar to it alone.

1.2.2. The sphere of extracultural nonorganization may sometimes be constructed as a mirror reflection of the sphere of culture or else as a space which, from the position of an observer immersed in the given culture, appears as unorganized, but which from an outer position proves to be a sphere of *different organization*. An example of the former might be the reconstruction of pagan ideas by a monk of twelfth-century Kiev in *Povest' vremenyx let* [Tale of Bygone Years]. It makes a sorcerer taking part in a religious debate with Christians answer the questions "Who are your gods? Where do they dwell?" by saying: "They dwell in abysses; as for their appearance, they are black and winged, and have tails ..." When in the sphere of the culturally-mastered world "the heights" are appointed to the gods, then in its outer space they live below. Now, in the system of the given culture, an identification arises of the extra-cultural space with the negative "low" world. ("That God which sits in an abyss is a devil, but a God sits in the skies.") An example of the latter is the assertion of a Poljanin annalist that in old times the Drevljans did not "have marriages", after which a description is given of the family organization, which was, for the annalist, not based on marriage but, naturally, is for the modern investigator.

1.2.3. Although culture, by extending its limits, seeks completely to usurp the whole of extracultural space, to assimilate it to itself, from the position of an outside description the expansion of the sphere of organization leads to the expansion of the sphere of nonorganization. The narrow world of Hellenic civilization had its correspondingly narrow sphere of encircling "barbarians". The spatial growth of ancient Mediterranean civilization was accompanied by the growth of the extracultural world. (Of course, if we abstract ourselves from the concepts of the given type of culture, no growth occurred whatsoever; a certain people might live the same way both before and after they became known to the world of Roman civilization. Yet from the point of view of the given culture, its "forefield" steadily expanded.) It is characteristic that the twentieth century, having exhausted the reserves of the spatial expansion of culture (all geographical space has become "cultural"; the "forefield" has disappeared), has addressed itself to the problem of the subconscious, constructing a new type of space opposed to culture. The opposition to the spheres of the subconscious, on the one hand, and of the cosmos, on the other, is just as essential to an understanding of the inner structure of twentieth-century culture as the oppositions of *Rus'* and the steppe were for the twelfth century, or of the people and

the intelligentsia for Russian culture in the second half of the nineteenth century. As a fact of culture the problem of the subconscious is not so much a discovery as a creation of the twentieth century.

1.2.4. The opposition "culture-extracultural space" is the minimal unit of the mechanism of culture on any given level. Practically speaking, we are given a paradigm of extracultural spaces ("infantile", "exotic-ethnic" from the point of view of the given culture, "subconscious", "pathological", and others). The descriptions of various peoples in medieval texts are constructed in an analogous manner: in the center there is situated a certain normal "we", to which other peoples are opposed as a paradigmatic set of anomalies. It should be emphasized that from the "inner" point of view the culture appears as the positive member of the aforementioned opposition, whereas from the "outer" point of view the whole opposition appears as a cultural phenomenon.

1.3.0. The active role of the outer space in the mechanism of culture is particularly revealed in the fact that certain ideological systems may associate a culture-generating source precisely with the outer, unorganized sphere, opposing to it the inner, regulated sphere as culturally dead. Thus in the Slavophile opposition of Russia and the West, the former is identified with the outer sphere, which is not normalized, which is not culturally assimilated, but which constitutes the germ of future culture. As for the West, it is conceived as a closed and regulated world, that is to say, "cultural" and at the same time culturally dead.

1.3.1. Thus, from the position of an outside observer, culture will represent not an immobile, synchronically balanced mechanism, but a dichotomous system, the "work" of which will be realized as the aggression of regularity against the sphere of the unregulated and, in the opposite direction, as the intrusion of the unregulated into the sphere of organization. At different moments of historical development either tendency may prevail. The incorporation into the cultural sphere of texts which have come from outside sometimes proves to be a powerful stimulating factor for cultural development.

1.3.2. The game relationship between culture and its outer sphere must be taken into consideration when studying cultural influences and relations. If during periods of the intensive influence of culture on the outer sphere, culture assimilates what is similar to it, that is to say, what from its position is recognized as a fact of culture, then during moments of extensive development it absorbs the texts which it does not have the means to decipher. The extensive encroachment upon

twentieth-century European culture of infantile art, of archaic and medieval art or of the art of Far Eastern or African peoples, is bound up with the fact that these texts are torn out of their characteristic historical (or psychological) context. They are seen through the eyes of the "adult" or European. In order to play an active role, they must be perceived as "strange".

1.3.3. The cultural function of the tension between the inner (closed) and the outer (open) spaces is clearly revealed in the structure of houses (and other buildings). In making a house, man thereby partitions off a part of space which – in contrast with the outer sphere – is perceived as culturally assimilated and regulated. However, this initial opposition acquires cultural significance only against a background of continual breaches in the opposite direction. Thus, on the one hand, the closed "domestic" space begins to be perceived not as the antipode of the outside world, but as its model and analogue (for example, the temple as an image of the universe). In this case the regularity of the temple space is transferred to the outside world, suppressing the sphere of irregularity (the aggression of the inner space against the outside). On the other hand, some properties of the outside world penetrate into the inner world. Related to this is the attempt to distinguish "the house within the house" (for example, the altar space is an inner sphere within an inner sphere). An extremely interesting example of the "game" between the inner and outer spaces of a building as analogues to the tension between the corresponding cultural spheres is that of baroque architecture. The creation of structures which "overflow" their boundaries (pictures extending out of their frames, statues descending from their pedestals, the system of paired correlation between windows and mirrors, which introduces the exterior landscape into the interior) creates mutual breaches of the cultural sphere into chaos and of chaos into the cultural sphere.

2.0.0. Thus culture is constructed as a hierarchy of semiotic systems, on the one hand, and a multilayered arrangement of the extracultural sphere surrounding it. Yet it is indisputable that it is precisely the inner structure, the composition and correlation of particular semiotic subsystems, which determines the type of culture in the first place.

2.1.0. In accordance with what was said above, several cultures may also form a functional or structural unity from the point of view of broader contexts (genetic, areal, and others). Such an approach proves

especially fruitful in solving problems of the comparative study of culture, particularly the culture of Slavic peoples. The formation of an inner paradigm of cultures or their distribution in the field of the "inner sphere of culture versus outer sphere of culture" opposition permits us to decide a number of questions, both of the relationship between individual Slavic cultures and of their relation to the cultures of other areas.

3.0.0. The fundamental concept of modern semiotics – the *text* – may be considered a connecting link between general semiotic and special studies such as Slavistics. The text has integral meaning and integral function (if we distinguish between the position of the investigator of culture and the position of its carrier, then from the point of view of the former the text appears as the carrier of integral function, while from the position of the latter it is the carrier of integral meaning). In this sense it may be regarded as the primary element (basic unit) of culture. The relationship of the text with the whole of culture and with its system of codes is shown by the fact that on different levels the same message may appear as a text, part of a text, or an entire set of texts. Thus Puškin's *Povesti Belkina* [Tales of Belkin] may be regarded as an integral text, as an entire set of texts, or else as part of a single text – "the Russian short story of the 1830's".

3.1.0. The concept "text" is used in a specifically semiotic sense and, on the one hand, is applied not only to messages in a natural language but also to any carrier of integral ("textual") meaning – to a ceremony, a work of the fine arts, or a piece of music. On the other hand, not every message in a natural language is a text from the point of view of culture. Out of the entire totality of messages in a natural language, culture distinguishes and takes into account only those which may be defined as a certain speech genre, for example, "prayer", "law", "novel", and others, that is to say, those which possess a certain integral meaning and fulfill a common function.

3.2.0. The text as an object of study may be examined in the light of the following problems:

3.2.1. *Text and sign*. The text as an integral sign; the text as a sequence of signs. The second case, as is well known from the experience of the linguistic study of the text, is sometimes regarded as the only possible one. Yet in the overall model of culture another type of text is also

essential, one in which the concept of the text appears not as a secondary one derived from a chain of signs, but as a primary one. A text of this type is not discrete and does not break down into signs. It represents a whole and is segmented not into separate signs but into distinctive features. In this sense we can detect a far-reaching similarity between the primacy of the text in such modern audiovisual systems of mass communication as the cinema and television, and the role of the text for systems in which, as in mathematical logic, metamathematics, and the theory of formalized grammars, language is understood as a certain set of texts. The fundamental distinction between these two cases of the primacy of the text consists, however, in the fact that for audiovisual systems of the transmission of information and for such comparatively earlier systems as painting, sculpture, the dance (and pantomime), and ballet, the *continuous* text may be primary (the whole canvas of a painting, or a fragment of it in the event that separate signs are segmented in the painting), and a sign appears as a secondary notion, definable in terms of the text, whereas in formalized languages the text may always be represented as a chain of discrete symbols assigned as elements of an initial alphabet (of a set or a vocabulary). The orientation toward such discrete models of formalized languages (i.e., toward the discrete case of the transmission of information), which was characteristic of the linguistics of the first half of our century, is being replaced in contemporary semiotic theory by a concern with the continuous (indiscrete) text as a primary datum (i.e., with nondiscrete cases of the transmission of information) precisely at a time when in culture itself communication systems using predominantly continuous texts are acquiring increasingly greater significance. For television the basic unit is the elementary life situation, which before the moment of televising (or of filming) is, in an a priori manner, unknown and irresolvable into elements. But for the audiovisual technique of mass communication (the cinema and television, including television films) a combination of both methods is also typical. The cinema by no means relinquishes discrete signs, primarily signs of the oral language and of other everyday languages (particularly what it obtains as "raw" or "precinematographic" material from other, typologically earlier, systems), but rather it includes them in integral texts (the crucifix in the church scene in A. Wajda's *Ashes and Diamonds* appears by itself as a discrete symbol, but it is reinterpreted in the context of the entire sequence, in which it is correlated with the hero of the film). A similar inclusion of discrete signs, most often adopted from other (archaic) systems, in a continuous text may be shown in

historically earlier visual systems, particularly in painting, where the human image on the world tree – which is central to a considerable number of mythological and ritual traditions (including those of the most ancient Slavs) – or other images equivalent to it, may be retained as the center of the composition. In all such cases we can see a manifestation of a general law of the evolution of semiotic systems, according to which a certain sign or an entire message (or fragment of a message) may be included in the text of another sign system as a component part of it and may subsequently remain chiefly in that capacity (hence with a shifted function – esthetic and not mythological or ritual, as in the examples given). The latter generalization may also be of interest in the substantiation of those methods of reconstructing the most ancient semiotic systems which are based on the discovery of the signs (and sometimes of texts as well) of an archaic system (of proto-Slavic mythology, for example) on the basis of their latest reflections, included in folklore and other texts preserved in historical tradition. At the same time, from this point of view the analysis of modern means of mass communication in their relationship with systems historically preceding them is organically included in the comparative study of the languages of culture (such subjects of investigation as, for example, the relationship between Wajda's films and the Polish baroque tradition are found to be in conformity with the law – not only on the level of the emotional atmosphere of the work, but also in the nature of the "precinematographic" material selected).

The choice of a discrete metalanguage of distinctive features of the type: upper-lower, left-right, dark-light, black-white, to describe such continuous texts as those of painting or the cinema, may by itself be regarded as a manifestation of archaizing tendencies which impose on the continuous text of the object-language metalinguistic categories more characteristic of archaic systems of binary symbolic classification (of mythological and ritual types). But we must not rule out the fact that features of this kind remain as archetypical features even during the creation and perception of continuous texts.

Thus the predominance of texts of the discrete or the nondiscrete type may be associated with a certain stage of development of the culture. Yet it should be emphasized that both these tendencies may also be represented as synchronically coexisting. The tension between them (for example, the conflict between verbal and visual text) constitutes one of the most permanent mechanisms of culture as a whole. The prevalence of one of them is possible not as a complete suppression of the opposite

type, but only in the form of an orientation of culture toward certain textual structures as the predominant ones.

3.2.2. *Text and the problem of "sender-receiver"*. In the process of cultural communication, particular significance is attached to the problem of the "grammar of the speaker" (addressor) and the "grammar of the hearer" (addressee). Just as individual texts may be created with an orientation toward the "position of the speaker" or the "position of the hearer", in the same way a similar trend may also be inherent in certain cultures as a whole. An example of a culture oriented toward the hearer would be one in which the axiological hierarchy of texts is arranged in such a way that the concepts "most valuable" and "most intelligible" coincide. In this case the specifics of secondary superlinguistic systems will be expressed to the least possible degree – the texts will strive for minimal conventionality and will imitate "doneness", consciously orienting themselves toward the type of "bare" message found in a natural language. The chronicle, prose (especially the essay), the newspaper article, the documentary film, and television will occupy the highest value stages. "Authentic", "true", and "simple" will be regarded as the highest axiological characteristics.

A culture oriented toward the speaker possesses as its highest value the sphere of closed, inaccessible, or completely unintelligible texts. It is a culture of the esoteric type. Prophetic and priestly texts, glossolalia, and poetry occupy the highest place. The orientation of the culture toward the "speaker" (addressor) or the "hearer" (addressee) will be revealed in the fact that in the first case the audience models itself according to the pattern of the creator of the texts (the reader seeks to approach the poet's ideal); in the second case, the sender constructs himself according to the pattern of the audience (the poet seeks to approach the reader's ideal). The diachronic development of culture may also be regarded as movement within the same communication field. An example of movement from an orientation toward the speaker to an orientation toward the hearer in the individual evolution of a writer might be the work of a poet like Pasternak. At the time of the creation of the first version of "Poverx bar'erov" ["Over the Barriers"], "Sestra moja žizn'" ["My Sister Life"], "Temy i variacii" ["Themes and Variations"], the poet's fundamental style was a monologue utterance which strove for accuracy of expression of his own vision of the world with all the conditioned features of the semantic (and sometimes syntactic as well) structure of poetic language. His later works are dominated by a dialogue orientation toward the interlocutor-as-hearer (toward the

potential reader, who must understand everything being communicated to him). The contrast between the two styles appears especially clearly in cases where the writer tries to convey the same impression in two ways (the two versions of the poem "Venecija" ["Venice"] and the two prose descriptions of the same first impression of Venice in "Oxrannaja gramota" ["Safeguard"] and in his autobiography "Ljudi i položenija" ["People and Situations"]; the two versions of the poem: "Improvizacija" ["Improvisation"] of 1915 and "Improvizacija na rojale" ["Improvisation on the Piano"] of 1946). That such a movement may be interpreted not only in the light of individual causes, but also as a certain regularity in the development of the European avant-garde, is attested by the creative movement of Majakovskij, Zabolockij, and the poets of the Czech avant-garde. Generally speaking, development from an orientation toward the speaker to an orientation toward the hearer is not the only possible one; among Pasternak's contemporaries, a reverse development is characteristic of Mandel'stam and particularly of Axmatova ("Poëma bez geroja" ["Poem Without a Hero"] in comparison with earlier works).

3.2.3. We should ascertain to what degree the distinction between two polar types of literary and artistic styles: Renaissance-baroque, baroque-classicism, classicism-romanticism – which with respect to Slavic literatures of various periods was most clearly outlined by Julian Krzyżanowski – may be correlated with the hearer-oriented type of culture (the early Middle Ages, the baroque, romanticism, the literature of the avant-garde – *Młoda Polska* [Young Poland] and the like). Within each of such oppositions in turn, possible distinctions can be drawn according to the analogous feature (with which we can associate the existence of such intermediate types as Mannerism). The late chronology of the inclusion in Slavic cultures of styles oriented toward the hearer can be associated in a number of cases with the existence within these styles of features which are closer to styles having an orientation toward the speaker (the baroque within the Slavic late Renaissance, and the like). Certain general features linking styles with the orientation toward the speaker permit us to raise the question of far-reaching stylistic similarities (for example, in individual poems by Norwid from *Vademecum* and in Cvetaeva's poetry) irrespective of absolute chronology.

3.2.4. Since memory is incorporated into the channel of communication between sender and receiver in cultures possessing the means of externally fixing the message, a distinction is made between the potential receiver ("my distant descendant" in Baratynskij's poetry) and the actual receiver. The aggregate of actual receivers is linked with

the sender in an inverse relationship. Specifically, by means of such an aggregate a collective selection is made of the entire set of texts, those selected conforming to the esthetic norms of the age, the generation, and the social group. The mechanism of such a selection may be modeled by means of an apparatus similar to the one elaborated in the cybernetic model of evolution. Since from the information-theory point of view the amount of information is defined for a given text in relation to the entire set of texts, it is possible at the present time to describe more clearly the real role of "minor writers" in the collective selection which prepares generation of the text carrying maximum information. The individual selection made by the writer (and reflected in rough drafts, for example) may be regarded as a continuation of the collective selection, a continuation which he sometimes directs but often rejects. From this point of view it may prove useful to investigate the factors hindering the selection.

The existence of memory in the channel of communication can also be associated with the reflection, in the structure of genres, of communication features which sometimes can be traced back to the preceding period (the "genre memory", according to M. M. Baxtin).

4.0.0. In defining culture as a certain secondary language, we introduce the concept of a "culture text", a text in this secondary language. So long as some natural language is a part of the language of culture, there arises the question of the relationship between the text in the natural language and the verbal text of culture. The following relationships are possible here:

(a) The text in the natural language is not a text of the given culture. Such, for example, for cultures oriented toward writing, are all texts whose social functioning implies the oral form. All utterances to which the given culture does not ascribe value and meaning (and does not preserve, for example), from its point of view, are not texts.

NOTE: We should distinguish the nontext from the "antitext" of a given culture: the utterance which the culture does not preserve from the utterance which it destroys.

(b) The text in the given secondary language is simultaneously a text in the natural language. Thus a poem by Puškin is at the same time a text in the Russian language.

(c) The verbal text of the culture is not a text in the given natural language. It may at the same time be a text in another natural language (a Latin prayer for a Slav), or else it may be formed by the irregular

transformation of some level of a natural language (cf. the functioning of such texts in children's culture).

NOTE: Rare but possible are cases in which the realization of some message as a text in the given language is determined by the fact that it belongs to a text of the culture.

In the poetic texts of Xlebnikov there are fragments which in their phonological structure (*bobeobi*), morphological or lexical composition (*lukaet lukom* 'it arches by the arch', *smejanstvuet smexami* 'he laughingnessifies with laughters', and other neologisms based on a revival of the archaic device of *figura etimologica*, which has been characteristic of Slavic poetry beginning with the most ancient period) and syntactic constructions (*ty stoiš' čto delaja* 'you're standing there doing what?') are not included among the correctly constructed texts, from the point of view of the common language.

But each such fragment, owing to its inclusion in a text recognized as grammatical from the point of view of poetry, thereby becomes a fact of the history of the language of Russian poetry. Analogous phenomena at earlier stages of evolution can be noted with respect to those forms of folklore, for example to *nebyval'sčina* and *nelepica* (fantastic and absurd texts of Russian folklore), where a breach of the semantic standards accepted in the common language becomes a basic compositional principle.

4.0.1. Also essential is the question about the construction of the typology of cultures in connection with the correlation of text and function. By text we imply only a message which performs within the given culture a textual function. In a more general form this tenet is applicable to any semiotic system. Within another language or another system of languages the same message may not be a text. Here we can see a general semiotic analogue of the linguistic concept of grammaticalness, which is of cardinal importance to the modern theory of formal grammars. Not every linguistic message is a text from the point of view of culture, and conversely, not every text from the point of view of culture is a correct message in a natural language.

4.1.1. The traditional history of culture takes into consideration for each chronological section only "new" texts, texts created by the given age. But in the real existence of culture, texts transmitted by the given cultural tradition or introduced from the outside always function side by side with new texts. This gives each synchronic state of culture the features of cultural polyglotism. Since on different social levels the speed of cultural development may not be identical, a synchronic state of

culture may include its diachrony and the active reproduction of "old" texts. Cf., for example, the vigorous existence of pre-Petrine culture among the Russian Old-Believers of the eighteenth and nineteenth centuries and partly also today.

5.0.0. The place of the text in the textual space is defined as the sum total of potential texts.

5.0.1. The connection between the semiotic concept of the text and traditional philological problems is especially clearly evident in the example of Slavistics as a field of knowledge. The object of Slavic studies has invariably been a certain sum of texts. But as scientific thought and the overall movement of culture on which it is based progress, the same works may sometimes gain and sometimes lose the ability to appear as texts. A significant example in this regard is the literature of Old Russia. If the number of sources here is relatively stable, the list of texts varies significantly from one scholarly school to another and from one investigator to another, since it reflects a formulated or an implicit concept of the text which always correlates with the conception of Old Russian culture. The sources which do not satisfy this concept are transferred to the category of "nontexts". An obvious example is the hesitation of literary scholars in designating some works as artistic texts according to the extent to which they satisfy the concept of the "artistic culture of the Middle Ages".

5.1.0. A broad conception of the study of texts would be in accordance with traditional methods of Slavistics, which even previously embraced both synchronically interpreted Slavic texts (for example, those written in Old Church Slavonic) and texts of different periods compared on the diachronic level. It appears important to emphasize at this point that a broad typological approach removes the absoluteness from the opposition of synchrony and diachrony. In this connection it is worth noting the special function of languages which claim the role of the basic instrument of interlingual communication and of the connecting link between different ages at least in certain parts of the Slavic area, and first of all the role of Old Church Slavonic and of the texts written in its various recensions. Therefore together with the relationship between synchrony and diachrony we can also suggest the problem of the panchronic functioning of language (in this specific case Old Church Slavonic served primarily as the language for Orthodox communication). This appears all the more significant because with respect to an absolute

time scale different Slavic cultural traditions are organized in different ways (cf., on the one hand, the abundance of vestiges of proto-Slavic antiquity in the East Slavic area in the sphere which may be called "lower culture" and, on the other hand, the encroachment of certain areas, particularly West Slavic and parts of South Slavic, upon other cultural zones), which accounts for discreteness in the structure of the diachrony of these Slavic cultures, in contrast to the continuity of other traditions.

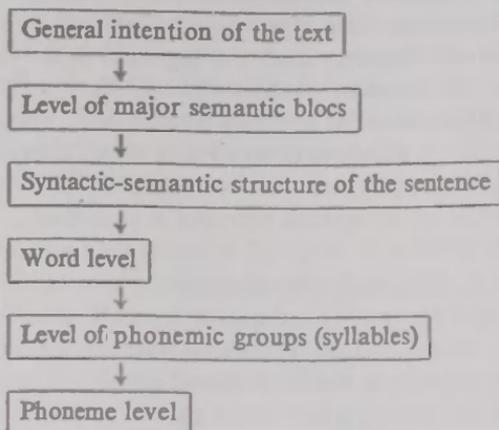
5.2.0. For a historical reconstruction as applied to Slavic texts, a synchronic comparison of texts belonging to different Slavic linguistic traditions may in a number of cases yield more than a comparison within the same evolutionary series. In this way it is possible to obtain fruitful results in the solution of the traditional philological problem of the reconstruction of texts unavailable to the investigator. For minimal texts – the combination of morphemes in words or separate morphemes – such an approach is practically realized in Slavic comparative-historical linguistics. At present it can be extended to the entire field of the reconstruction of Slavic antiquities – from metrics to the genre characteristics of folklore texts, mythology, ritual (understood as text), music, dress, ornaments, life style, and others. The abundance of the various influences of other traditions with respect to the latest periods (for example, of Eastern – and later Western European – forms of dress with respect to the history of the costumes of East Slavic peoples) makes the diachronic development to a great extent discontinuous as a result of far-reaching breaches of traditions). In order to reconstruct initial Common Slavic forms, an analysis of this development may be important chiefly in the aspect of the segmentation of later features. A more effective way of solving the same problem of diachronic stratification and of projection of the most ancient layer on the Common Slavic period may be a comparison of synchronic sections of each of the Slavic traditions.

5.2.1. Practically speaking, the reconstruction of texts is the concern of all philologists – from specialists in Slavic antiquities and folklore to investigators of the literature of modern times (the reconstruction of the author's intention or of a work of art, the restoration of lost texts and parts of them, the reconstruction of the reader's interpretation from the opinions of contemporaries, the reconstruction of oral sources and of their place in the system of a written culture; in studying the history of the theatre and dramatic art the object of investigation is primarily

reconstruction, etc.). To a certain extent every reading of a poetic manuscript is a reconstruction of the creative process and a successive removal of superimposing layers; cf. the approach to the reading of a manuscript as a reconstruction in the Puškin scholars' textual criticism of the 1920's, 30's, and 40's. The empirical material accumulated in various fields of Slavic philology permits us to raise the question of the creation of a general theory of reconstruction based on a common system of postulates and formalized procedures. In so doing, a deliberate approach to the problem of levels of reconstruction appears essential, i.e. the idea that different levels of reconstruction require different procedures and lead to specific results in each case. Reconstruction may be carried out at the highest level, the purely semantic level, which in the final analysis we transfer to the language of certain universal notions.

But in the formulation of a number of problems, there may occur a uniform overlapping of the reconstructed material into other structures of the same national culture. As semantic messages are recoded on the lower levels, more and more specific problems are solved, even including those which directly link the reconstruction of the text with linguistic investigations. The most conspicuous results of reconstruction have been achieved on the extreme levels corresponding to the semiotic categories of the signified (*signifié*) and the signifier (*signifiant*), which is perhaps related to the fact that it is precisely these levels which to the greatest degree correspond to textual reality, whereas the intermediate levels are to a greater extent correlated with the metalinguistic system assumed in description.

5.2.2. The representation of a text in a natural language might be described by proceeding from an idealized diagram of the work of an automatic machine which would transform the text, successively developing it from the general intention to the lower levels; in this transformation each of the levels or some combination of different levels might in principle correspond to the recoding of the text by means of an output mechanism (see Fig. 1). If the output mechanism in Fig. 1 corresponds to the phoneme level, this means that the message transmitted by means of this mechanism is a sequence of phonemes, i.e., in the transmitter (understood according to the information-theory model of message transmission) each of the phonemes in the code table is compared with a certain letter-signal; an example might be a letter script of the Serbian and Croatian type. But if the output mechanism corresponds to the level of the general intention of the text, then this means that the message transmitted by means of this mechanism represents a general idea of

Fig. 1. *General diagram of the recoding of a linguistic text by levels*

the text in a still unsegmented form, i.e., in the transmitter this idea is compared with its coding symbol (the possibility cannot be ruled out that this symbol is the only one forming the entire code and is thereby an extrasystemic sign). As an example we can cite such general symbols as, for example, suns, pictures of birds and horses, or combinations of all three of these symbols in a vegetative design forming a single text; with respect to the most ancient period, which coincides with the Proto-Slavic, they represented a single text having a strict relationship of its symbols-as-elements – both with the common semantics for the whole text and the completely defined semantics of each element; as for their subsequent reflections in individual Slavic traditions (for example, in the decorative designs on spinning wheels, sleighs, carriages, various utensils – chests, trunks – embroidery on clothing, carved wooden ornaments – particularly on the roofs of houses – on ritual goods made of pastry – pies, round loaves – on children’s toys, etc.) they appear as parts of a secondary text constructed by “intermingling” original component parts, which lose their syntactic function as the fundamental semantics of the text is forgotten. For the earlier period the reconstruction of the text describing the world tree, the luminaries above it, and the birds and animals arranged on and near it, is confirmed by the existence, in all the principal Slavic traditions, of verbal texts of various genres (charms, riddles, songs, tales) which completely coincide with one another. At the same time it turns out that such a reconstruction of the text corresponds, on the one hand, to a common Indo-European reconstruction made without

regard for Slavic data on the basis of the coincidence of Indo-Iranian texts with Old Icelandic ones, and on the other hand, to typologically similar texts of various Eurasian shamanist traditions.

5.2.3. For such reconstructions, even when it is impossible to find the linguistic elements which embody the text on the lower level, its semantic reconstruction is facilitated by the typological similarity of cultural complexes using, practically speaking, a single set of basic semantic oppositions (of the type reconstructed for Proto-Slavic: fortune-misfortune, life-death, sun-moon, land-sea, etc.). In such cases we can also advance a hypothesis concerning similar possibilities of the social interpretation of such systems; in this connection we should note the possibility of also including in the appropriate cultural complexes (understood in the broad sense for the most ancient periods, given a certain type of social organization) such manifestations of social structures as the shape of settlements and houses, rules, instructions, and prohibitions concerning permissible and especially compulsory types of marriages and the characteristics of the functioning of kinship terms associated with them. Therefore the data obtained in the application of structural methods to the reconstruction of Slavic antiquities prove to be significant not only for the history of culture in the narrow sense, but also for the investigation of the early stages of the social organization of the Slavs (as well as for the interpretation of archeological data). This once again confirms the real unity of Slavistics as the study of Slavic antiquities understood as a single semiotic whole, and of the latest transformation and differentiation of the respective traditions.

6.0.0. From the semiotic point of view culture may be regarded as a hierarchy of particular semiotic systems, as the sum of the texts and the set of functions correlated with them, or as a certain mechanism which generates these texts. If we regard the collective as a more complexly organized individual, culture may be understood by analogy with the individual mechanism of memory as a certain collective mechanism for the storage and processing of information. The semiotic structure of culture and the semiotic structure of memory are functionally uniform phenomena situated on different levels. This proposition does not contradict the dynamism of culture: being in principle the fixation of past experience, it may also appear as a program and as instructions for the creation of new texts. Moreover, it is possible given a fundamental orientation of culture toward *future experience* to construct a certain conditional point of view from which the future appears as the past.

For example, texts are being created which *will be* stored by our descendants; people who perceive themselves as "public figures of the age" seek to perform historic deeds (acts which in the future will become memory). Cf. the aspiration of people of the eighteenth century to choose heroes of antiquity as programs for *their own* behavior (the image of Cato is the distinctive code which deciphers the entire lifelong behavior of Radiščev, including his suicide). The essence of culture as memory is especially clearly shown in the example of archaic texts, particularly folklore texts.

6.0.1. Not only do the participants in communication create texts, but the texts also contain the memory of the participants in communication. Therefore the assimilation of texts of another culture leads to the transmission through the centuries of certain structures of personality and types of behavior. The text may appear as a condensed program of the whole culture. The assimilation of texts from another culture results in the phenomenon of *polyculturality*, in the possibility, while remaining within one culture, of choosing conventional behavior in the style of another. This phenomenon occurs only at certain stages of social development, and as an outward sign specifically affords the possibility of choosing a type of clothing (cf. the choice between the "Hungarian", "Polish", or "Russian" dress in the Russian culture of the late seventeenth and early eighteenth centuries).

6.0.2. For the period beginning with the Proto-Slavic and continuing in individual Slavic traditions down to modern times, the collective mechanism for the storage of information ("memory") ensures the transmission from generation to generation of fixed rigid schemes of texts (metric, translinguistic, etc.) and whole fragments of them (*loci communi* with respect to folklore texts). The most ancient sign systems of this type – in which literature is reduced to the embodiment, by means of ritual formulas, of mythological plots handed down from generation to generation – on the level of social interpretation may be synchronized with rigidly determined systems of relationships in which all possibilities are covered by rules correlated with the mythological past and with cyclical ritual. On the contrary, more advanced systems, in groups whose behavior is regulated by the memory of their real history, correlate directly with the type of literature in which the basic principle becomes the search for devices which are statistically the least frequent (and which therefore carry the greatest amount of information). Similar arguments might also be advanced with respect to other areas of culture in which the very concept of development (i.e., of direction in time) is inseparable from

the accumulation and processing of information, which is gradually used to introduce appropriate corrections into programs of behavior; this accounts for the regressive role of the artificial mythologization of the past, which creates myth in place of historical reality. In this sense the typology of the attitudes toward the Common Slavic past may prove useful in the investigation of the legacy of the Slavophiles and of its role. We can take into account the possibilities of a diachronic transformation of Indo-European culture such that it does not always assume development in the direction of complexity of organization (complexity is understood here on the purely formal level as a function of the measure of the number of elements, of the characteristics of their order and the relations between them, and of the regularity of the entire culture). Modern investigations of reconstructed Indo-European forms in their relation to Proto-Slavic forms permit us to raise the question of the possibility in certain cases of movement not in the direction of increasing the amount of information but in the direction of increasing the amount of entropy in Common Slavic texts in comparison with Common Indo-European texts (and sometimes also in individual Slavic as compared with Common Slavic texts). In particular, dual exogamic structures, which apparently correlate with the binary symbolic classification reconstructed for proto-Slavic, represent a more archaic layer than structures reconstructed for Common Indo-European; but that may be explained not by the greater archaicness of the Slavic world but by certain secondary processes which have resulted in the simplification of structures. In all such cases, in the process of reconstruction there occurs the problem of eliminating the noise superimposed on the text as it is transmitted through the diachronic channel of communication between generations. In this connection, phenomena revealed in secondary modeling systems can be compared with the evident decrease in complexity (and increase in simplicity) of the organization of the text on the morphological level during the transition from the Indo-European to the (late) Proto-Slavic period during which the law of open syllables was operating (by simplicity here we mean a decrease in the number of elements and the rules for their distribution).

6.1.0. For the functioning of culture and accordingly for the substantiation of the necessity of employing comprehensive methods in studying it, this fact is of fundamental significance: that a single isolated semiotic system, however perfectly it may be organized, cannot constitute a culture – for this we need as a minimal mechanism a *pair* of correlated

semiotic systems. The text in a natural language and the picture demonstrate the most usual system of two languages constituting the mechanism of culture. The pursuit of heterogeneity of languages is a characteristic feature of culture.

6.1.1. In this connection particular significance is attached to the phenomenon of bilingualism, which is extraordinarily important for the Slavic world and which in many respects determines the specific character of Slavic cultures. Despite the great diversity of the specific conditions of bilingualism in different Slavic spheres, the *other* language usually appeared as hierarchically higher, serving as the standard model for the formation of texts. The same orientation toward the "foreign" language may be found when there occurs in the culture a movement toward the democratization of linguistic means. Thus Puškin's remark that one ought to study the language of the *prosvirnyj* women in Moscow who baked a special kind of cakes implies a treatment of the popular language as a different language. This principle is revealed when a socially lower system becomes axiologically higher. The specific functions of the second Slavic language (usually Old Church Slavonic) in such a pair of structurally equivalent languages makes the material of Slavic cultures and languages especially valuable, not only for the investigation of problems of bilingualism but also for explaining a number of processes hypothetically associated with bilingualism and polylingualism (the origin of the novel and the role of bilingualism and polylingualism for that genre, the approximation to the spoken language as one of the social functions of poetry; cf. the idea of the "secularization" of the language of Russian poetry in articles by Mandel'stam).

6.1.2. In view of the indisputable connections established through linguistic means of presenting texts, among the texts studied by the various branches of Slavistics we may include texts which are written in admittedly non-Slavic languages but which are functionally significant in their opposition to the corresponding Slavic languages (the Latin of the scholarly works of Jan Hus as distinct from Old Czech; the French of Tjutčev's articles). In this connection it may be of particular interest to analyze Latin and Italian texts in comparison with Slavic texts during the period of Renaissance bilingualism in the West and Southwest Slavic world (cf. the characteristic Latin-Polish and Italian-Croatian macaronic verse texts of later baroque times), and to analyze French texts in comparison with their Russian equivalents in the Russian literature of the first half of the nineteenth century (the same poem by Baratynskij in French and Russian, Puškin's French notes in comparison

with his Russian works which in part parallel them), as well as French-Russian bilingualism represented and used as a literary device in the nineteenth-century Russian novel or in comic verse, for instance by verse, for instance by Mjatlev.

6.1.3. As a system of systems based in the final analysis on a natural language (this is implied in the term "secondary modeling systems", which are contrasted with the "primary system", that is to say, the natural language), culture may be regarded as a hierarchy of semiotic systems correlated in pairs, the correlation between them being to a considerable extent realized through correlation with the system of the natural language. This connection appears especially clearly in the reconstruction of Proto-Slavic antiquities on account of the greater syncretism of archaic cultures (cf. the connection between certain rhythmic and melodic types and metrical ones, which in their turn are conditioned by rules of syntactic prosody; the direct reflection of ritual functions in the linguistic denotations of such elements of ritual texts as the names of ceremonial foods).

6.1.4. The proposition concerning the insufficiency of only one natural language for the construction of culture can be connected with the fact that even a natural language itself is not a strictly logical realization of a single structural principle.

6.1.5. The degree of the awareness of the unity of the entire system of systems within a given culture varies, which by itself may be regarded as one of the criteria of a typological evaluation of a given culture. This degree is very high in the theological structures of the Middle Ages and in those later cultural movements in which, as among the Hussites, we can see a return to the same archaic conception of the unity of culture but charged with a new content. However, from the point of view of the modern investigator, culture, whose representatives conceive of it as uniform, proves to be organized in a more complex manner: within medieval culture we can distinguish the layer of "unofficial carnival phenomena" discovered by M. M. Baxtin's school (which in the Slavic area are continued in such texts as the Old Czech mystery play *Unguentarius*); Hussite literature reveals a significant opposition of Latin scholarly texts and works of journalistic literature addressed to a different (mass) audience. Certain periods having a characteristic literary orientation toward the sender of the message are at the same time specifically characterized by a maximally extensive set of denotata and concepts within messages originating with the same author (Comenius, Bošković, Lomonosov), which may serve as an additional argument in favor of the

unity of culture (including in these cases both the natural sciences and some disciplines of the humanities, etc.). This cultural unity is of exceptional significance for a strict substantiation of the subject of Slavistics itself as the study of the synchronic and diachronic functioning of cultures related through their correlation with the same Slavic language or else with two Slavic languages, one of them being Old Church Slavonic in a number of cultures. Knowledge of the community of the linguistic traditions used in each of the given cultures serves (not only in theory but also in the practical behavior of the bearers of the respective traditions) as a prerequisite for the realization of their differences. For the Slavic world these differences are connected not so much with the purely linguistic (morphonological) rules of recoding – which given their relative simplicity might not impede mutual understanding – as with cultural and historical (for the early periods primarily denominational) differences. It thereby clearly becomes necessary to study Slavic cultures in such a way that, while continually bearing in mind the connecting role of linguistic community, we go beyond linguistics proper and take into account all the extralinguistic factors which have specifically affected language differentiation. Thus the analysis of Slavic cultures and languages may prove to be a convenient model for investigating the interrelations between natural languages and secondary (superlinguistic) semiotic modeling systems.

6.2.0. In the system of culture-generating semiotic oppositions a special role is played by the opposition of discrete and nondiscrete semiotic models (discrete and nondiscrete texts), as a particular manifestation of which the antithesis of verbal and iconic signs may appear. This gives new meaning to the traditional problem of the comparison of the fine arts and the verbal arts: we can speak of their need of each other in order to form the mechanism of culture and of their need to be different according to the principle of semiosis, that is to say, on the one hand equivalent, and on the other hand not entirely mutually convertible. Since different national traditions possess a different logic, rate of evolution, and receptivity to foreign influences within discrete and nondiscrete text-generating systems, the tension between them creates the possibility of a great variety of combinations of what is essential, for example, for the construction of a historical typology of Slavic cultures. It may be of particular interest to uncover the same regularities of the construction of a text (of a typical baroque text, for example) using material of predominantly continuous (pictorial) and predominantly

discrete (verbal) texts. On this level an important problem is that of film making as an experiment in translating a discrete verbal text into a continuous one which is merely accompanied by fragments of the discrete (for example, Iwaszkiewicz's *Birch Wood* and Wajda's television film of it, in which the role of the verbal text is reduced to a minimum in view of the significance of the music for the film's sound track).

7.0.0. One of the fundamental problems of the study of the semiotics and typology of cultures is the formulation of the question of the equivalence of structures, texts, functions. Within a single culture the problem of the equivalence of texts occupies a prominent place. This problem underlies the possibility of translation within a single tradition. In this process, so long as equivalence is not identity, translation from one system of text to another always includes a certain element of untranslatability. Given a semiotic approach, it is specific texts which are correlatable and identifiable according to the principles of organization, and not the systems, which preserve their autonomy no matter how extensive may be the identity of the texts they generate. Therefore the task of reconstructing texts in different sublanguages sometimes proves to be more attainable than the reconstruction of those sublanguages themselves. The latter problem must often be solved by relying on typological comparisons with other cultural areas. In conformity with the traditional aims of Slavistics, comparativistic problems may be interpreted here as the transmission of texts through different channels.

7.0.1. In so doing it is essential to distinguish three cases: the transmission of a certain text in another Slavic language through a channel from which it issues in another Slavic language (the simplest example is translation from one Slavic language to another: Polish-Ukrainian-Russian relations in the sixteenth and seventeenth centuries);-the transmission of a certain text created in a different tradition through two (or more) such channels (the simplest example is the various recensions of Old Church Slavonic translations of the gospel: translations of the same text of Western literature into different Slavic languages); finally, the transmission of a text through channels of which only one is ultimately represented by its realization in a Slavic language (the case in which literary or other cultural contacts within the Slavic area are limited to only one national or linguistic tradition) as, for example, a number of phenomena associated with Turkish-Bulgarian lexical contact; among the latter types of phenomena we can apparently include relations between

the minnesong and forms of the Old Czech love-lyric texts (*vičerný*). The relatively lesser significance of the third case in comparison with the first two supports the view according to which the history of Slavic literatures must be constructed primarily as a comparative one. Against the background of the presence of some phenomenon in other Slavic traditions, its absence or the struggle against it (for example, Byronism in Slovak literature) proves especially significant. Transmission on relatively high levels (particularly on the level of the figurative and stylistic organization of the text) is typical of the Slavic documents of the late Middle Ages. This explains, on the one hand, the complexity of their organization (conditioned by the length of their evolution and of the collective selection of texts not in the Slavic world but within the Byzantine tradition) and, on the other hand, their relatively low value (speaking of the higher levels and not of the level of the language vocabulary proper) for Proto-Slavic reconstructions. The reflection – during transmission – in the Slavic area of a tradition explained by a prolonged preliminary selection of texts appears important both for the history of the literature of sixteenth century Dalmatia and for a number of Slavic literatures of recent centuries. A special case is represented by a transmission in which the character of the upper levels of the text essentially changes, while a number of essential features of the lower levels – particularly of the iconic levels – remain the same, as occurred in the identification (on the lower levels, which for a certain audience are the most significant) of East Slavic pagan gods with Orthodox saints (cf. such pairs as Volos and Vlasij, Mokoš' and Paraskeva Pjatnica; the reflection of the ancient cult of twins in the rites of Flor and Lavra). The problem of Slavic-non-Slavic contacts and of the transmissions associated with them requires a very broad understanding of the entire culture under consideration, including the “sublinguistic systems” of custom, life style, and technology (including trades); non-Slavic influences – frequently more noticeable in these areas (and in the spheres of linguistic terminology directly associated with them) – only in subsequent stages can be detected in the secondary superlinguistic systems, which here clearly reveal how they differ in principle from the “sublinguistic” systems, which are not constructed on the basis of the signs and texts of a natural language and cannot be transposed in them. In contrast with this principle, which was characteristic of the late periods of contact with Western cultural zones, the earlier contacts with Byzantium affected primarily the sphere of secondary modeling systems.

7.1.0. There is a difference between the transposition of texts within the same cultural tradition and the typologically similar translation of texts belonging to different traditions. For the Slavic cultural world, for strictly linguistic reasons (we have in mind the similarity preserved on different levels and the role of the Old Church Slavonic element) translation often coincides with reconstruction. This applies not only to obvious lexical and phonological correspondences but also, for example, to such phenomena as the anticipation of the reconstruction of Proto-Slavic metrical schemes in the rhythmic system of the "Pesni zapadnyx slavyan" ["Songs of the Western Slavs"] of Puškin, who intuitively compared the same two traditions – East Slavic and Serbo-Croatian – on which modern reconstructions are based. Cf. also J. Tuwim's experiments in the modeling of the phonetic structure of Russian speech within the Polish verse line given his deliberate rejection of an orientation toward lexical correspondences. In the light of this conception it is appropriate to point out the historical merit of Križanić and – in times closer to our own – the analogous approach characteristic of Baudouin de Courtenay, in whose opinion the correspondence between the Slavic languages represents a phonetic translation.

8.0.0. The view according to which cultural functioning does not occur within any semiotic system (let alone within a level of a system) implies that in order to describe the life of a text in a system of culture or the inner working of the structures which compose it, it does not suffice to describe the immanent organization of separate levels. We are faced with the task of studying the relations between the structures of different levels. Such interrelations may be revealed both in the appearance of intermediate levels and in the structural isomorphism sometimes observed on different levels. Thanks to the occurrence of isomorphism we can pass from one level to another. The approach which is summarized in these theses is characterized by primary consideration for recodings when passing from one level to another, in contrast to the immanent descriptions of levels at earlier stages of formalized descriptions. From this point of view, the "Anagrams" of F. de Saussure turn out to be more modern than the purely immanent experiments of the early stages of formal literary criticism.

8.0.1. Switching from one level to another may occur with the help of rewriting rules, in which an element represented on a higher level by one symbol is expanded on a lower level into a whole text (which given a reverse order of passage is understood accordingly as a separate sign

included in the broader context). Here, as in other such cases discovered in modern linguistics, the order of rules describing the operations of the synchronic synthesis of the text may coincide with the order of diachronic development (cf. the coincidence of the order of the rules for the synchronic synthesis of the word form from its constituent morphemes, with the diachronic phenomenon of deetymologization as described in the history of the Slavic noun). Herein both in synchronic and diachronic description preference is given to context-bound rules, where for each symbol x the context $A - B$ is indicated, in which it is rewritten as text T :

$$x \rightarrow T(A - B)$$

8.0.2. In recent years the interest of specialists in structural poetics has been concentrated on the study of interlevel relations; so onomatopoeia, for example, is studied not without regard for sense but in relation to sense. The process of recoding by level interweaves the result of different stages of the reduction of parts of a synthesized text to a sign, which is really embodied in the auditory or optic signal. The possibility of experimentally dividing the different stages in the process of synthesizing a literary text remains problematical because its surface structure, which is defined by formal limitations, may influence the deep figurative structure. This specifically follows from the ratio discovered on the basis of poetics, $\beta \leq \gamma$, according to which, given an increase in the coefficient β , which indicates the extent of the limitations imposed on the poetic form, there must be an increase in the quantity γ , which defines the flexibility of the poetic language, i.e., specifically, of the number of synonymous paraphrases achieved through transferred and figurative word usage, unusual word combinations, and the like. Therefore the discovery of the extent of formal limitations in works on comparative Slavic poetics, the establishment of such information-theory parameters of individual Slavic languages as flexibility (γ) and entropy (H), and the specification of the aims and possibilities of translation from one Slavic language to another, turn out to be different aspects of the same problem, which may be investigated only on the basis of preliminary research in each of those fields.

9.0.0. In the union of different levels and subsystems into a single semiotic whole – “culture” – two mutually opposed mechanisms are at work:

(1) The tendency toward diversity – toward an increase in differently organized semiotic languages, the “polyglotism” of culture.

(2) The tendency toward uniformity – the attempt to interpret itself or other cultures as uniform, rigidly organized languages.

The first tendency is revealed in the continual creation of new languages of culture and in the irregularity of its internal organization. Different spheres of culture have inherent in them a different extent of internal organization. While creating within itself sources of maximum organization, culture also has need of relatively amorphous formations which only resemble structure. In this sense it is characteristic to distinguish systematically, within the historically given structures of culture, spheres which are to become, as it were, a model of the organization of culture as such. It is especially interesting to study various artificially created sign systems which strive for maximum regularity (such, for example, is the cultural function of the ranks, dress coats, and badges of rank in the “regular” state of Peter the Great and his successors – the very idea of “regularity”, in becoming a part of the uniform cultural unity of the age, constitutes an additional quantity in the motley irregularity of the real life of those times). Of great interest from this point of view is the study of metatexts: instructions, “regulations”, and directions which represent a systematized myth created by culture about itself. Significant in this respect is the role played at different stages of culture by language grammars as models of organizing, “regulating” texts of various kinds.

9.0.1. The role of artificial languages and of mathematical logic in the development of such branches of knowledge as structural and mathematical linguistics or semiotics can be described as one of the examples of the creation of “sources of regularity”. At the same time these sciences themselves in the overall complexity of twentieth-century culture play, on the whole, an analogous role.

9.0.2. The essential mechanism which imparts unity to the various levels and subsystems of culture is its model of itself, the myth of the culture about itself which appears at a certain stage. It is expressed in the creation of autocharacteristics (for example, metatexts of the type of Boileau’s *L’art poétique*, which is especially typical of the age of classicism; cf. the normative treatises of Russian classicism), which actively regulate the construction of culture as a whole.

9.0.3. Another mechanism of unification is the orientation of culture. A certain particular semiotic system becomes significant as the prevailing

system, and its structural principles penetrate the other structures and the culture as a whole. Thus we may speak of cultures oriented toward writing (text) or toward oral speech, toward the word and toward the picture. There may exist a culture oriented toward a culture or toward the extracultural sphere. The orientation of culture toward mathematics in the Age of Reason or (to a certain extent) at the beginning of the second half of the twentieth century may be compared with the orientation of culture toward poetry during the period of romanticism or symbolism.

9.1.0. Scientific investigation is not only an instrument for the study of culture but is also part of its object. Scientific texts, being metatexts of the culture, may at the same time be regarded as its texts. Therefore any significant scientific idea may be regarded both as an attempt to cognize culture and as a fact of its life through which its generating mechanisms take effect. From this point of view we might raise the question of modern structural-semiotic studies as phenomena of Slavic culture (the role of the Czech, Slovak, Polish, Russian, and other traditions).

B. A. Uspenskij
V. V. Ivanov
V. N. Toporov
A. M. Pjatigorskij
Ju. M. Lotman

KULTUURISEMIOOTIKA TEESID

(slaavi tekstidest lähtuvalt)

1.0.0. Kultuuri uurimisel tuleb lähtuda eeldusest, et kogu informatsiooni väljatöötamise, vahetamise ja säilitamisega seotud inimtegevus omab teatud ühtsust. Kuigi üksikud märgisüsteemid eeldavad immanentselt organiseeritud struktuure, toimivad nad vaid ühtsuses, üksteisele toetudes. Ükski märgisüsteem ei oma mehhanismi, mis kindlustaks talle isoleeritud funktsioneerimise. Sellest järeldub, et kõrvuti lähenemisega, mis võimaldab luua semiootilise tsükli suhteliselt autonoomsete teaduste seeriana, on võimalik ka teine, mille seisukohast kõik nad vaatlevad **kultuurisemiootika** kui erinevate märgisüsteemide funktsionaalset suhestatust uuriva teaduse eri aspekte. Viimasel juhul omandavad erilise tähenduse küsimused kultuurikeelte hierarhilisest ülesehitusest, nendevahelisest valdkondade jaotumisest, juhtudest, mil need valdkonnad lõikuvad või vaid piirnevad.

1.1.0. Semiootilis-tüpoloogilistes uurimustes on “kultuuri” mõiste algmõisteks. Seejuures tuleb eristada lähenemist kultuurile tema enda vaatepunktist või teda kirjeldava teadusliku metasüsteemi koostamise vaatepunktist. Esimeselt positsioonilt näeb kultuur välja teatud piiritletud alana, millele vastanduvad temast väljaspool asetsevad inimkonna ajaloo, kogemuse või tegevuse nähtused. Seega on kultuuri mõiste lahutamatu seotud tema vastandamisega “mitte-kultuurile”. Aluseks võetud põhimõte (antiteesid tõene ja vale religioon, haridus — harimatus, teatud etnilisse gruppi kuulumine — mittekuulumine jne.) kuulub antud kultuuritüübi juurde. Kuid teatud suletud sfääri lülitatuse/mittelülitatuse vastandus ise on oluliseks iseärasuseks kultuuri mõiste lahtimõtestamisel “seestpoolt”. Seejuures toimub iseloomulik vastanduse absolutiseerimine: näib, et kultuur ei vajagi oma “välimist” kontragenti ja ta võib olla immanentselt mõistetud.

1.1.1. Kultuuri määratlemine organiseerituse (informatsiooni) valdkonnana inimühiskonnas ja tema vastandamine desorganiseeritusele (entroopiale) kujutab endast üht paljudest kirjeldatavale objektile "seestpoolt" antavatest definitsioonidest; mis tõestab veelkord, et teadus (antud juhul informatsiooniteooria) on XX sajandil mitte ainult metasüsteem, vaid sisaldub ka kirjeldatavas objektis "tänapäeva kultuur".

1.1.2. Opositsioon "kultuur–loodus" ("tehtu–mittetehtu") kujutab endast samuti vaid üht, ajalooliselt tingitud antiteesi sissearvatud–väljaarvatud tõlgendust. Juhime tähelepanu, et vene kultuuris XX saj. alguses (A. Blok) levinud antiteesi "kultuur–tsivilisatsioon" jaoks on kultuur organiseeritud, kuid mitte inimese, vaid "muusika vaimu" poolt, ja, järelikult, "esialgne" struktuur. Tehtuse tunnus aga omistatakse kultuuri antipoodile — tsivilisatsioonile.

1.2.0. Välimisest vaatepunktist kujutavad kultuur ja mittekultuur endast vastastikku tingitud ja teineteist vajavaid valdkondi. Kultuuri-mehhanism — see on seadeldis [устройство], mis muudab välimise sisemiseks: desorganisatsiooni–organisatsiooniks, võhikud–harituteks, patused–pühameesteks, entroopia–informatsiooniks. Kuna kultuur elab mitte ainult välise ja sisemise vastanduses, vaid ka üleminekus ühest teise, siis ta mitte ainult ei võitle välimise "kaosega", vaid ka vajab seda, mitte ainult ei hävita kaost, vaid ka loob seda pidevalt. Üks seos kultuuri ja tsivilisatsiooni (ja "kaose") vahel seisneb selles, et kultuur pidevalt võõrandab oma antipoodi kasuks mingeid "läbitöötatud" elemente, mis muutuvad stampideks ja funktsioneerivad mittekultuuris. Sel moel toimub kultuuris eneses entroopia suuremine äärmise organiseerituse arvelt.

1.2.1. Seega võib öelda, et igale kultuuritüübile vastab tema "kaose" tüüp, mis ei ole sugugi algne, ühetaoline ja alati iseendaga võrdne, vaid kujutab endast inimese sama aktiivset loomingut, nagu ka kultuurilise organisatsiooni valdkond. Igale ajalooliselt antud kultuuritüübile vastab talle ainuomane mitte-kultuuri tüüp.

1.2.2. Kultuurivälise mitteorganisatsiooni valdkond võib olla üles ehitatud peegelpildis kultuurisfäärina või siis ruumina, mis antud kultuuri lülitatud vaateleja seisukohast on mitteorganiseeritud, kuid väljastpoolt vaadatuna osutub teistmoodi organiseeritud valdkonnaks.

Esimese näiteks võiks olla paganlike ettekujutuste rekonstruktsioon XII saj. kiievi munga poolt kroonikas *“Povest” vremennõh let*. Ta sunnib religiooses vaidluses kristlastega osalevat maatarka küsimisele: “Millised on teie jumalad, kus nad elavad?” vastama: “Elavad sügavikes ja on välimuselt mustad, tiibade ja sabaga”. Kui kultuuri poolt omandatud maailmapildis on jumalad “üleväl”, siis väljapoole jäävas ruumis on nad all. Edasi toimub kultuurivälise ruumi samastamine negatiivse “alumise” maailmaga antud kultuuri süsteemis (“Mis jumal see on, kes istub sügavikus, see on kurat, jumal istub taevas”). Näide teise kohta — poljaanlasest kroonikakirjutaja kinnitus, et drevljaanidel “ei olnud abielu”, millele järgneb perekonnakorralduse kirjeldus, mis krooniku silmis ei ole abielu, kuid tänapäeva uurija jaoks muidugi on.

1.2.3. Kuigi piire laiendades püüab kultuur täielikult usurpeerida kogu kultuurivälise ruumi, samastada seda endaga, viib välise kirjelduse seisukohast taoline organiseerituse sfääri laienemine mitteorganiseerituse sfääri laienemisele. Hellenistliku tsivilisatsiooni kitsale maailmale vastas ka kitsas ring teda ümbritsevaid “barbareid”. Vahe-meremaade antiiktsivilisatsiooni ruumilise kasvuga kaasnes kultuurivälise maailma kasv (loomulikult, kui eemalduda antud kultuuritüübi mõistetest, siis mingit kasvu ei olnud — see või teine rahvas võis elada nii enne seda, kui ta sai tuntuks rooma tsivilisatsioonile, kui ka pärast. Kuid antud kultuuri vaatepunktist laienes tema “eelväli” vääramatult). On iseloomulik, et XX sajand, ammendanud kultuuri ruumilise laiendamise reservid (kogu geograafiline ruum muutus “kultuurseks”, “eelväli” kadus), pöördus alateadvuse probleemi poole, konstrueerides uue kultuurile vastandatud ruumi tüübi. Vastandumine ühelt poolt alateadvusele ja teiselt poolt kosmose sfääridele on XX saj. kultuuri sisemise struktuuri mõistmisel sama oluline, kui Venemaa ja stepi vastandus XII saj., või rahva ja intelligentsi vastandus XIX saj. teise poole vene kultuuris. Kultuurifaktina on alateadvuse probleem mitte niivõrd XX saj. avastus, kuivõrd looming.

1.2.4. Opositsioon “kultuur–kultuuriväline ruum” kujutab endast minimaalset ühikut antud tasandil. Praktiliselt on antud kultuurivälise ruumide paradigma (“lapselik”, “eksootilis-etniline” antud kultuuri vaatepunktist, “alateadvuslik”, “patoloogiline” jmt.). Analoogiliselt on üles ehitatud erinevate rahvaste kirjeldused keskaegsetes tekstides:

keskmes paikneb teatud normaalne “meie”, millele on vastandatud teised rahvad kui anomaaliate paradigmaatiline kogum.

1.3.0. Välise ruumi aktiivne osa kultuurimehhanismis ilmneb iseäranis selles, et teatud ideoloogilised süsteemid võivad siduda kultuuriloova alge just välise, mitteorganiseeritud sfääriga, vastandades talle sise-
mise, korrastatud valdkonna kui kultuuriliselt elutu. Nõnda samastatakse slavofiilses vastanduses Venemaa–Lääs esimene välise, normaliseerimata, kultuuriliselt omandamata, kuid tulevase kultuuri seemet sisaldava sfääriga. Läänt aga mõistetakse kui kinnist ja korrastatud maailma, s.t. üheaegselt “kultuurset” ja kultuuriliselt elutu.

1.3.1. Niisiis, välise vaataja seisukohast kujutab kultuur endast mitte liikumatut sünkroonselt tasakaalustatud mehhanismi, vaid dihotoomset seadeldist, mille “töö” realiseerub ühtaegu kui korrastatuse agressioon mittekorrastatuse sfääri ja vastassuunaline mittekorrastatuse tungimine organiseerituse valdkonda. Ajaloolise arengu erinevatel etappidel võib domineerida üks või teine tendents. Väljastpoolt tulnud tekstide inkorporeerumine kultuurisfääri võib mõnikord olla kultuurilise arengu võimsaks stimuleerivaks faktoriks.

1.3.2. Kultuuri ja tema välissfääri mängulisi seoseid tuleb arvestada kultuuriliste mõjutuste ja sidemete uurimisel. Kui perioodidel, mil kultuur intensiivselt mõjutab välissfääri, ta omandab endasarnast, s.t. seda, mis tema seisukohast on hoomatav kultuurifaktina, siis ekstensiivse arengu etappidel omastab ta tekste, millede dešifreerimiseks tal vahendid puuduvad. Laste, arhailise ja keskaegse või Kaugida või Aafrika rahvaste kunsti laiaulatuslik invasioon Euroopa XX sajandi kultuuri on seotud tõi-gaga, et need tekstid kistakse välja neile omasest ajaloolisest (või psühholoogilisest) kontekstist. Neid vaadatakse “täiskasvanu” või eurooplase silmadega. Et nad mängiksid aktiivset rolli, tuleb neid tekste tajuda kui “kummalisi”.

1.3.3. Sisemise (suletud) ja välise (avatud) ruumi vahelise pinge kultuuriline funktsioon tuleb eredalt esile elamu (ja teiste ehitiste) struktuuris. Ehitades maja, piiritleb inimene samaaegselt osa ruumist, mis — erinevalt välissfäärist — on tajutav kui kultuuriliselt omandatu ja korrastatu. Kuid see algne vastandus omandab kultuurilise tähenduse vaid tema pidevate ja vastassuunaliste rikkumiste taustal. Nii hakatakse, ühelt poolt, suletud “kodust” ruumi teadvustama mitte

kui välismaailma antipoodi, vaid kui tema mudelit ja analoogi (näiteks jumalakoda kui universumi sümbol). Sel juhul kantakse, allutades korrastatamatuse sfääri, jumalakoja ruumi korrastatus üle välismaailmale, (sisemise ruumi agressioon väljapoole). Teisalt, mingid välismaailma omadused tungivad ka sisemisse ruumi. Sellega on seotud püüd eristada “kodu kodus” (näiteks altariruum kui sisesfääri sisesfäär). Äärmiselt huvitava näite “mängust” hoone sisemise ja välimise ruumi vahel kui vastavate kultuurisfäärade vahelise pinge analoogist pakub barokkarhitektuur. “Üle piiri minevate” struktuuride loomine (raamidest väljuvad pildid, pjedestaalidel maha astuvad kujud, akende ja peeglite paariviisilise suhestatuse süsteem, mis muudab loodusvaate interjööri elemendiks) annab võimaluse kultuurisfääri tungimiseks kaosesse ja kaose tungimiseks kultuurisfääri.

2.0.0. Seega ehitub kultuur ühelt poolt, kui semiootiliste süsteemide hierarhia, teisalt — kui teda ümbritseva kultuurivälise sfääri mitmekihiline seadeldis. Kuid vaieldamatult määrab kultuuri tüübi ära eelkõige just sisemine struktuur, erinevate semiootiliste allsüsteemide koostis ja seostatus.

2.0.1. Vastavalt ülalöeldule võib mitme kultuuri suhestatus moodustada funktsionaalse või struktuurse ühtsuse ka laiemate kontekstide (geneetiliste, areaalsete ja muude) vaatepunktist. Taoline lähenemine osutub eriti viljakaks kultuuride võrdleva analüüsi puhul, nagu näiteks slaavi rahvaste kultuuride uurimisel. Kultuuride sisemise paradigma koostamine või nende jaotamine struktuurse opositsiooni “kultuuris-isene–kultuuriväline” väljas võimaldab lahendada rea küsimusi, mis puudutavad nii üksikute slaavi kultuuride omavahelisi seoseid, kui ka nende suhteid teiste areaalide kultuuridega.

3.0.0. Kaasaegse semiootika fundamentaalset mõistet **tekst** võib lugeda siduvaks lülilik üldsemiootiliste ja kitsamalt slavistikaalaste uurimuste vahel. Tekst on tervikliku tähenduse ja tervikliku funktsiooni kandja (kui eristada kultuuri-uuri ja kultuurikandja seisukohti, siis on tekst esimese jaoks tervikliku funktsiooni, teise seisukohalt aga tervikliku tähenduse kandja). Selliselt käsitletuna võib teda vaadelda kui kultuuri algelementi (baasühikut). Teksti suhestatus kultuuri-terviku ja selle koodide süsteemiga väljendub asjaolus, et üks ja see-

sama teade võib erinevatel tasanditel esineda teksti, teksti osa või tekstide kogumina. Nii võib Puškini “Belkini jutustusi” vaadelda kui terviklikku teksti, kui tekstide kogumit või ühtse teksti “vene 1830ndate aastate jutustus” osana.

3.1.0. Mõistet “tekst” kasutatakse spetsiifiliselt semiootilises tähenduses ja rakendatakse, ühelt poolt, mitte ainult loomuliku keele teadete, vaid iga tervikliku (“tekstilise”) tähenduse kandjale — riitus, kujutava kunsti teos või helitöö. Teisalt ei ole mitte iga loomuliku keele teade kultuuri vaatepunktist tekst. Loomuliku keele teadete kogumist eristab ja arvestab kultuur vaid neid, mida võib määratleda kui teatud kõnežanri (näiteks “palve”, “seadus”, “romaan” jmt.), s.t. mis omavad teatud terviklikku tähendust ja kannavad terviklikku funktsiooni.

3.2.0. Teksti kui uurimisobjekti võib vaadelda järgmiste probleemide valguses:

3.2.1. **Tekst ja märk.** Tekst kui terviklik märk, tekst kui märkide järgnevus. Teist juhtu, kui hästi tuttavat teksti lingvistilise uurimise kogemusest, vaadeldakse tihti ainuvõimalikuna. Kuid üldises kultuurimudelis on oluline ka see tekstide tüüp, kus teksti mõiste on mitte sekundaarne, tuletatud märkide järgnevusest, vaid primaarne. Seda tüüpi tekst ei ole diskreetne ja ei lagune märkideks. Ta kujutab endast tervikut ja jaguneb mitte üksikmärkideks, vaid diferentsiaaltunnusteks. Selles mõttes võib avastada kaugeleulatuva sarnasuse: ühelt poolt teksti primaarsus sellistes tänapäeva massikommunikatsiooni audiovisuaalsetes süsteemides nagu kino ja televisioon ja teisalt teksti roll süsteemides, kus, nagu matemaatilises loogikas, metamatemaatikas ja formaliseeritud grammatikate teoorias, keele all mõistetakse tekstide teatud hulka. Printsipiaalne vahe nende teksti primaarsuse kahe juhtu vahel seisneb selles, et informatsiooni edastavates audiovisuaalsetes süsteemides ja taolistes nendega võrreldes varasemates süsteemides nagu kujutav kunst, skulptuur, tants (ja pantomiim), ballett, võib esmaseks olla pidev [neprerõvnõj] tekst (kogu pildi pind või selle fragment, kui pildis on eristatavad üksikud märgid), samal ajal kui formaliseeritud keeltes võib tekst alati esineda diskreetsete sümbolite jadana, mis on antud algtähestiku (kogumi või sõnastiku) elementidena.

Sellistele formaliseeritud keelte diskreetsetele mudelitele (s.t. informatsiooni diskreetsele edastamisele) orienteerumine, mis on iseloomulik meie sajandi esimese poole lingvistikale, asendub kaasaja semiootilises teoorias tähelepanuga pidevale tekstile kui esialgsele antusele (s.t. informatsiooni edastamise mittediskreetseusele) just siis, kui kultuuris endas hakkavad üha suuremat tähendust omama suhtlus-süsteemid, mis kasutavad valdavalt pidevaid tekste. Televisiooni jaoks on põhiühikuks elementaarne eluline situatsioon, mis on enne saadet (või telefilmil valmimist) apriorselt tundmatu ja elementideks lahutamatu. Kuid massikommunikatsiooni audiovisuaalse tehnika (kino ja televisiooni, sealhulgas ka telefilmide) jaoks on iseloomulik mõlemate mooduste ühendamine. Kino ei loobu sugugi diskreetsetest, eelkõige suulise ja teiste käibekeelte [obihodnõje] märkidest (mida ta saab iseäranis “kaameraeelse” ja “kinematograafiaeelse” materjalina teistest, tüpoloogiliselt varasematest, süsteemidest), vaid lülitab neid terviklikesse tekstidesse (krutsifiks A. Wajda “Tuha ja teemandi” kirikustseenis esineb ise kui diskreetne sümbol, kuid ta mõtestatakse ümber kogu kaadri kontekstis, kus ta on suhtestatud filmi kangelasega).

Sarnast enamasti teistest (arhailistest) süsteemidest ülevõetud diskreetsete märkide lülitamist pidevasse teksti võib leida ka ajalooliselt varasemates visuaalsetes süsteemides, näiteks maalikunstis, kus inimese kujutis maailmapuul, keskne suure osa mütoloogiliste ja rituaalsete traditsioonide (sealhulgas ka slaavi) jaoks, või teised ekvivalentsed kujundid võivad olla säilitatud kompositsiooni keskpunktina. Kõigil taolistel juhtudel võib näha semiootiliste süsteemide evolutsiooni üldise seaduspärasuse ilmnemist, kus mingi märk või terve teade (või teate fragment) võib olla lülitatud teise märgisüsteemi kui selle koostisosa ja säiluda edaspidi enamjaolt just sel kujul (järelilikult, nihutatud funktsiooniga — esteetilise, aga mitte enam mütoloogilise või rituaalsega, nagu toodud näidetes). Viimane üldistus võib pakkuda huvi iidsete semiootiliste süsteemide selliste rekonstruktsioonimeetodite põhjendamisel, mis arhailiste süsteemide (näiteks algslaavi mütoloogia) märkide (vahel ka tekstide) taastamisel tuginevad nende hilisematele peegeldustele, mis on ajaloolises traditsioonis säilunud folkloori- ja muudes tekstides. Viidatud vaatepunktist lülitub ka tänapäeva massikommunikatsioonivahendite analüüs nende suhetates ajalooliselt eelnevate süsteemidega orgaaniliselt kultuurikeelte

võrdlevasse uurimisse (seaduspärasteks osutuvad, näiteks, sellised uurimisteemad, nagu Wajda filmide seos poola baroki traditsiooniga — mitte ainult teose emotsionaalse õhkkonna plaanis, vaid ka valitud “eelkinematograafilise” materjali omadustest lähtuvalt).

Diskreetse metakeele diferentsiaaltunnuste, nagu: ülemine–alumine, vasak–parem, tume–hele, valge–must valikut maalikunsti või kinematograafia pidevate tekstide kirjeldamiseks võib vaadelda kui arhaiseerivate tendentside ilmnemist, mis asetavad keel-objekti pidevale tekstile binaarsümboolse klassifikatsiooniga arhailistele süsteemidele (nagu mütoloolilised või rituaalsed) iseloomulikud metakeelised kategooriad. Kuid ei saa välistada, et seda tüüpi tunnused säiluvad arhetüüpilistena ka pidevate tekstide loomisel ja vastuvõtmisel.

Seega, diskreetse või mittediskreetse tekstitüübi domineerimine võib olla seotud kultuuri arengu teatud etapiga. Kuid tuleb rõhutada, et mõlemad tendentsid võivad esineda kui sünkroonselt koosseksisteerivad. Pinge nende vahel (näiteks sõna ja joonise konflikt) moodustab kultuuri kui terviku ühe kõige püsivama mehhanismi. Neist ühe valitsemine on võimalik mitte vastandtüübi täieliku allasurumise, vaid ainult kultuuri teatud tekstistruktuuridele kui domineerivatele orienteerituse vormis.

3.2.2. **Tekst ja “adressandi–adressaadi” probleem.** Kultuurilise kommunikatsiooni protsessis omandab erilise tähenduse “rääkija grammatika” ja “kuulaja grammatika” probleem. Nii nagu üksikud tekstid võivad olla loodud orienteerituna kas “rääkija seisukohale” või “kuulaja seisukohale”, nii võib taoline suunitlus olla omane ka teatud kultuuridele tervikuna. Kuulajale orienteeritud kultuuris paikneb tekstide aksioloogiline hierarhia nii, et mõisted “kõige väärtuslikum” ja “kõige arusaadavam” kattuvad. Sellisel juhul on sekundaarsete keelepealsete süsteemide spetsiifika vähimal määral väljendatud — tekstid hakkavad püüdlema minimaalse tinglikkuse poole, imiteerima “mitteehituslikkust” [nepostroennost], orienteerudes teadlikult “alasti” teate tüübile loomulikus keeles. Ajalookroonika, proosa (eriti olukirjeldus), ajalehekroonika, dokumentaalfilm, televisioon asetuvad kõrgematele väärtusastmetele. “Tõepärast”, “tõelist”, “lihtsat” vaadeldakse kui kõrgemaid aksioloogilisi iseloomustusi.

Rääkijale orienteeritud kultuur seab kõrgeimaks väärtuseks suletud, raskestimõistetavate või hoopis arusaamatute tekstide sfääri. See on esoteeriline kultuuritüüp. Taolises kultuuris on kõrgeimal kohal profeetilised ja kultustekstid, glossolaaliad, spetsiifilised luuleliigid. Kultuuri orientatsioon “rääkijale” või “kuulajale” ilmneb selles, et esimesel juhul auditoorium modelleerib end tekstide looja järgi (lugeja püüab läheneda poeedi ideaalile), teisel — saatja vormib ennast auditooriumi järgi (poet püüab läheneda lugeja ideaalile). Ka kultuuri diakroonilist arengut võib vaadelda kui liikumist sama kommunikatiivse välja sees. Ümberorienteerumist rääkijalt kuulajale poeedi individuaalses evolutsioonis võiks illustreerida Pasternaki loomingu. Kogumikkude “Üle barjääride”, “Mu õde — elu”, “Teemad ja variatsioonid” esimeste variantide loomise perioodil oli poeedi jaoks peamine monoloogiline kõne, mis püüdis omaenese maailmanägemuse täpsele väljendamisele koos sellest tulenevate luulekeele semantilise (aga vahel ka süntaktilise) struktuuri iseärasustega. Hilisemates teostes domineerib dialoogiline suunatus vestluskaaslasele — kuulajale (potentsiaalsele lugejale, kes peab mõistma kõike talle antut). Eriti teravalt tuleb kontrast kahe maneeeri vahel esile neil juhtudel, kui kirjanik püüab kahel viisil edasi anda üht ja sama muljet (kaks luuletuse “Veneetsia” varianti ja kaks sama esmakordse Veneetsia-nägemuse proosakirjeldust “Kaitsekirjas” ja autobiograafias “Inimesed ja olud”; kaks luuletuse “Improvisatsioon” varianti: 1915 a. ja “Improvisatsioon klaveril” 1946. a.). Sellest, et taolist liikumist võib tõlgendada mitte ainult individuaalsete põhjuste valguses, vaid teatud seaduspärasusena euroopa avangardistlikus liikumises, annab tunnistust Majakovski, Zabolotski ja tšehhi avangardistlike poeetide loomingu areng. Ülaloodud liikumissuund ei ole aga ainuvõimalik; Pasternaki kaasaegsetest iseloomustab vastupidine areng eriti Ahmatovt (“Kangelaseta poem” võrdluses varasemate teostega).

3.2.3. Tuleb välja selgitada, mil määral kahe polaarse kirjandus- ja kunstistiili tüübi, nagu opositsioonid: renessans–barokk, klassitsism–barokk, klassitsism–romantism (erinevate perioodide slaavi kirjanduste jaoks on parim Julian Krzyżanowski klassifikatsioon) eristamine võib olla seostatav kultuuritüübiga, mis on määratletud suunitlusega kas rääkijale või kuulajale (esimese tüübi alla võiksid kuuluda, näiteks, varajane keskaeg, barokk, romantism, avangardne kirjan-

dus — Młoda Polska — ja muu sarnane). Iga taolise opositsiooni sees on omakorda võimalikud analoogilise tunnuse alusel teostatavad eristused (millega võib siduda selliste vahepealsete tüüpide nagu manierism olemasolu). Kuulajale orienteeritud stiilide kronoloogiliselt hilise lülitumisega slaavi kultuuridesse võib seostada real juhtudel nende stiilide sees rääkijale orienteeritud stiilidele lähemal olevate joonte olemasolu (barokk slaavi hilisrenessansi sees jmt). Ühised jooned, mis seovad rääkijale orienteeritud stiile, võimaldavad püstitada küsimuse kaugeleulatuvatest stilistilistest sarnasustest (näiteks üksikutes Norwidi “Vademecum’i” ja Tsvetajeva luuletustes) absoluutsest kronoloogiast sõltumatult.

3.2.4. Kuna kultuurides, mis omavad teate välise fikseerimise vahendeid, on kommunikatsioonikanalisse saatja ja adressaadi vahel monteeritud mälu, eristatakse potentsiaalset (“mu kauge järglane” Baratõnski luuletuses) ja aktuaalset adressaati. Aktuaalsete adressaatide kogum on saatjaga seotud tagasisidemega. Muuhulgas, taolise kogumi poolt valitakse kõikide tekstide seast mõned, mis vastavad ajastu, põlvkonna, sotsiaalse grupi esteeti-listele normidele. Sellise valiku mehhanismi võib modelleerida aparaadi abil, mis on lähedane evolutsiooni küberneetilises mudelis välja töötatule. Kuna teoreetilis-informatsioonilisest vaatepunktist määratletakse informatsiooni hulk antud tekstis kogu tekstide hulga suhtes, saab tänapäeval selgemalt kirjeldada “väikeste kirjanike” reaalselt osa kollektiivses valikus, mis valmistab ette maksimaalset informatsioonihulka kandva teksti tekkimist. Kirjanikupoolset (ja, näiteks, mustandites peegelduvat) individuaalset valikut võib vaadelda kui kollektiivse valiku jätku, vahel tema poolt juhitud, kuid tihti temast tõukuvat. Sellest seisukohast võib olla kasulik ka valikut takistavate faktorite uurimine.

Mälu olemasoluga kommunikatsioonikanalis võib siduda ka nende kommunikatiivsete iseärasuste peegeldust žanride struktuuris, mis vahel pärinevad eelnevast perioodist, (“žanri mälu” Bahtini järgi).

4.0.0. Määratledes kultuuri teatud sekundaarse keelena toome sisse mõiste “kultuuritekst”, s.o. tekst antud sekundaarses keeles. Kuna see või teine loomulik keel sisaldub kultuuri keeles, kerkib küsimus loomuliku keele teksti ja kultuuri sõnalise teksti suhtestatusest. Siin on võimalikud järgmised seosed:

a) Loomuliku keele tekst ei ole antud kultuuri tekstiks. Sellised on, näiteks, kirjakeelele orienteeritud kultuuride jaoks kõik tekstid, millede sotsiaalne funktsioneerimine eeldab suulist vormi. Kõik ütlu- sed, milledele antud kultuur ei omista väärtust ja tähendust (näiteks ei säilita), ei ole tema vaatepunktist tekstid.*

b) Tekst antud sekundaarses keeles on samaaegselt ka loomulikus keeles tekst. Puškini luuletus on samaaegselt tekst vene keeles.

c) Kultuuri sõnaline tekst ei ole tekstiks antud loomulikus keeles. Ta võib seejuures olla tekstiks teises loomulikus keeles (ladinakeelne palve slaavilase jaoks) või moodustuda loomuliku keele ühe või teise tasandi mittereeglipärase transformatsiooni teel (vrd. taoliste tekstide funktsioneerimist laste loomingus).**

Нлебниковi poetilistes tekstides on fragmente, mis oma fonoloogilisel struktuuril (“бобэоби”), morfoloogiliselt või leksikaalselt koos- seisult (“лукает луком” [sibuldab sibulana], “смеянтвует смехами” [naerutseb naerudena] ja teised neologismid, mis rajanevad slaavi luulele muinasperioodist iseloomuliku arhailise võtte *figura etymo- logica* elustamisel) ja süntaktilistelt konstruktsioonidelt (“ты стоишь что делаю” [sa seisad mis tehes]) ei kuulu üldkeele vaatepunktist õigesti ülesehitatud tekstide hulka.

Kuid iga taoline fragment, lülitudes poetiliseks tunnistatud teksti, saab seeläbi ka vene luule ajaloo faktiks. Analoogilisi nähtusi võib jälgida ka varasematel arenguetappidel selliste folkloorivormide puhul, nagu näiteks luiske- ja absurdilugu, kus üldkeelele omaste semantiliste normide rikkumine saab kompositsiooni põhiprintsiibiks.

4.0.1. Oluline on küsimus teksti ja funktsiooni suhestusest lähtuva kultuuritüpoloogia loomisest. Teksti all mõistetakse ainult sellist teadet, mis on antud kultuuri sees moodustatud teatud tekstitekitavate reeglite järgi. Üldisemal kujul on see seaduspärasus kehtiv mistahes semiootilise süsteemi puhul. Teise keele või teise keelesüsteemi sees võib sama teade mitte olla tekst. Siin võib näha üldsemiootilist ana-

* Tuleb eristada antud kultuuri mitte-teksti ja “anti-teksti”: ütlust, mida ei säilitata, ütlusest, mis hävitatakse.

** Harvad, kuid võimalikud on juhtumid, kui ühe või teise teate tead- vustamine antud keeles tekstina määratletakse tema kultuuriteksti kuulu- mise faktiga.

loogi keelelisele mõistele “grammatiline õigsus”, mis on vägagi oluline kaasaegses formaalsete grammatikate teoorias. Iga keeleline teade ei ole kultuuri vaatepunktist tekst ja vastupidi — mitte iga tekst kultuuri vaatepunktist ei kujuta endast reeglipärast teadet loomulikus keeles.

4.1.0. Traditsiooniline kultuuriajalugu arvestab iga ajalõike puhul ainult “uusi”, antud ephhil loodud tekste. Kultuuri reaalses eksistentsis aga funktsioneerivad uute kõrval alati ka sellesse kultuuritraditsiooni üle kandunud või väljastpoolt sissetoodud tekstid, mis lisavad igale kultuuri sünkrooniaseisundile kultuurilise polüglotismi jooni. Kuna erinevatel sotsiaalsetel tasanditel võib kultuuriline areng kulgeda erinevalt, siis võib kultuuri sünkroonne seisund lülitada endasse tema diakroonia ja “vanade” tekstide aktiivse taasesitamise. Vrd., näiteks, Peeter Esimese-eelse kultuuri elavat käibivust vene vanausuliste seas XVIII–XIX saj.

5.0.0. Teksti koht tekstiruumis määratletakse teksti suhtena potentsiaalsete tekstide kogumisse.

5.0.1. Semiootilise tekstimõiste seos traditsiooniliste filoloogiliste ülesannetega on eriti eredalt näha slavistika kui teaduse näitel. Slavistika objektiks on muutumatult olnud teatud tekstide summa. Kuid teadusliku mõtte ja tema aluseks oleva kultuuri edenedes võivad erinevad teosed kord omandada, kord kaotada võime esineda tekstidena. Selles suhtes on ilmekaks näiteks Vana-Vene kirjandus. Kui allikate hulk on siin küllaltki stabiilne, siis tekstide nimekiri (kuna ta peegeldab formuleeritud või implitsiitset teksti mõistet, mis alati korreleerub vanavene kultuuri kontseptsiooniga) varieerub oluliselt sõltuvalt koolkonnast ja uurijast. Allikad, mis ei mahu taolise teksti mõiste määratluse alla, viiakse üle “mitte-tekstide” kategooriasse. Kujukas näide — kõhklused ühe või teise teose kuuluvuses kunstiliste tekstide hulka, sõltuvalt mõiste “keskaja kunstiline kultuur” erinevast sisust.

5.1.0. Tekstiteaduse avar käsitus haakub slavistika traditsiooniliste võtetega, mis ennegi hõlmasid nii sünkroonias tõlgendatavaid slaavi tekste (näiteks kirikuslaavi) kui ka diakroonias võrreldavaid erinevate

perioodide tekste. Oluline on seejuures rõhutada, et avar tüpoloogiline lähenemine taandab sünkroonia ja diakroonia vastanduse absoluutsuse. Sellega seoses tuleb märkida nende keelte erilist funktsiooni, mis pretendeerivad keeltevahelise suhtluse põhiinstrumendi ja eri ajastuid siduva lüli rollile kasvõi slaavi areaali mõnedes osades, eriti kirikulaavi keele ja selle erinevates redaktsioonides kirjutatud tekstide rolli. Seepärast võib kõrvuti sünkroonia ja diakroonia suhestusega püstitada ka keele pankroonilise funktsioneerimise probleemi (antud konkreetset juhul mängis kirikulaavi keel eelkõige suhtluskeele osa õigeusklikus maailmas). See näib seda olulisemana, et absoluutse ajaskaala suhtes on erinevad slaavi kultuuritraditsioonid organiseeritud erinevalt (vrd., ühelt poolt, algslaavi muistse aja igandite rohkust idaslaavlastel sfääris, mida võiks nimetada “allkultuuriks”, teisalt — mõnede, eriti lääneslaavi ja osa lõunaslaavi areaalide sisenemine teistesse kultuuritraditsioonidesse), mis tingib nende slaavi kultuuride diakroonia struktuuri diskreetsuse erinevalt teiste traditsioonide pidevusest.

5.2.0. Slaavi tekstide ajaloolisel rekonstrueerimisel võib erinevate slaavi keeletraditsioonide alla kuuluvate tekstide võrdlemine sünkroonias anda real juhtudel rohkem, kui kõrvutus ühe arengusuuna siseselt. Sel moel on võimalik häid tulemusi saavutada filoloogia traditsioonilise ülesande — uurijani mittejõudnud tekstide rekonstrueerimise — lahendamisel. Minimaalsete tekstide — morfeemide kombinatsioonid sõnas või eraldi morfeemide kombinatsioonid — puhul on taoline lähenemine praktiliselt realiseeritud slaavi võrdlev-ajaloolises keeleteaduses. Tänapäeval võib seda laiendada tervele slaavi muististe rekonstrueerimise valdkonnale alates meetrikast kuni folklooritekstide, mütoloogia, tekstina mõistetava rituaali, muusika, riietuse, ornamendi, elu-olu ja muu taoliseni. Teiste traditsioonide mitmekesiste mõjutuste küllus hilisemate perioodide suhtes (näiteks, ida ja hiljem lääne-euroopa rõivastusvormide suhe idaslaavi rahvaste kostüümiajalooa) muudab diakroonilise arengu suures osas mittepidevaks (mis on seotud kaugeleulatuvate traditsiooni rikkumistega). Algsete üldslaavi vormide taastamisel võib taolise arengu analüüs osutada oluliseks just hilisemate ladestuste eristamisel. Sama ülesande — diakroonilise kihistumise kindlakstegemine ja vanima kihi projitseerimine üldslaavi perioodile — lahenduse efektiivsemaks

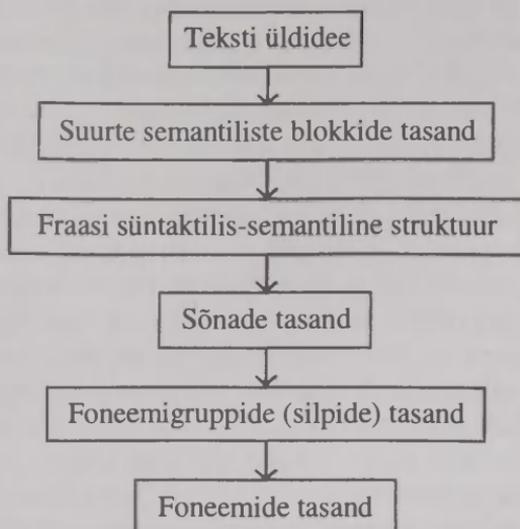
viisiks võib osutada igast slaavi traditsioonist võetud sünkroonia-lõikude kõrvutamisele.

5.2.1. Tekstide rekonstrueerimisega tegelevad praktiliselt kõik filoloogid, alates slaavi muististe ja folkloori spetsialistidest ja lõpetades kaasaegse kirjanduse uurijatega (autori kavatsuse või kirjandusteose rekonstruktsioon, kadunud tekstide või nende osade taastamine, lugeja vastuvõtu rekonstruktsioon kaasaegsete hinnangute alusel, suuliste allikate ja nende koha rekonstruktsioon kirjaliku kultuuri süsteemis; teatri ajaloo ja näitleja mängu uurimisel on uurimisobjektiks eelkõige rekonstruktsioonid jne.). Mingis mõttes on iga-sugune poeetilise käsikirja lugemine loomingu protsessi rekonstruktsioon ja järkjärguline täitekihtide eemaldamine. Vrd. käsikirja lugemine kui rekonstruktsioon puškinistide tekstoloogias 1920–1940 a-tel. Erinevates slaavi filoloogia valdkondades kogutud empiiriline materjal võimaldab püstitada küsimuse üldise rekonstruktsiooniteooria loomisest, mis põhineb ühtsel postulaatide süsteemil ja formaliseeritud protseduuridel. Oluline on seejuures teadlik lähenemine rekonstruktsiooni tasandite probleemile, teadmine, et erinevad rekonstruktsiooni-tasandid nõuavad erinevaid protseduure ja viivad igal erijuhul spetsiifiliste tulemusteni. Rekonstruktsioon võib olla läbi viidud kõige kõrgemal, puhtsemantilisel tasandil, mis on lõppkokkuvõttes tõlgitav teatud universaalide keelde.

Terve rea ülesannete püstitamisel võib aga toimuda ühetüübiline väljumine rekonstrueeritava materjali piiridest sama rahvuskultuuri teistesse struktuuridesse. Semantiliste teadete ümberkodeerimise käigus alamatel tasanditel lahendatakse järjest spetsiifilisemaid ülesandeid, kuni sellisteni, mis vahetult seovad teksti rekonstrueerimise lingvistiliste uurimustega. Rekonstruktsiooni kõige märkisiväärsemad tulemused on saavutatud äärmistel tasanditel, mis vastavad tähistatava ja tähistaja semiootilistele kategooriatele. Võimalik, et see on seotud nende enimmastavusega tekstireaalsusele, samal ajal kui vahepealsed tasandid on rohkem seotud kirjeldamisel kasutatava metakeelelise süsteemiga.

5.2.2. Teksti esitust loomulikus keeles võiks kirjeldada lähtuvalt teatava automaadi idealiseeritud tööskemist, mis transformeerib teksti, teda järkjärgult "lahti rullides" — üldideest kuni kõige alumiste tasanditeni — kusjuures igale tasandile või mingile erinevate

tasandite kombinatsioonile võib vastata teksti üleskirjutus väljaviiva seadeldise abil:

Kui graafiline väljaviiv seadeldis vastab foneemide tasandile, siis see tähendab, et selle seadeldisega edastatav teade kujutab endast foneemide järgnevust, s.t. et saatjas (mõistetuna vastavalt teate edastamise teoreetilis-informatsioonilisele mudelile) kõrvutatakse iga foneemiga vastavalt kooditabelile mingi signaal — täht; näiteks võib olla serbia tüüpi täheline kiri. Kui aga väljund vastab teose üldidee tasandile, siis see tähendab, et selle seadeldisega edastatav teade kujutab endast teose üldist ideed tema veel liigendamata kujul, s.t. saatjas kõrvutatakse ideega seda kodeeriv sümbol (kusjuures pole välistatud, et see sümbol on ainuke koodimoodustaja ja seega süsteemiväline märk). Näiteks võib tuua niisuguseid üldisi sümboleid nagu päikesemärgid, lindude ja hobuste kujutised või kõigi nende kolme sümboli kombinatsioonid taimornamendis, mis moodustavad ühtse teksti. Seejuures vanimal, algslaavi perioodil, kujutasid nad endast ühtset teksti, milles sümbol-elementid olid ranges vastavuses, kogu tekst omas ühtset semantikat ja iga element oma kindlat semantikat. Kuid oma edas-

pidistes peegeldustes mitmesugustes slaavi traditsioonides (ornamen- dis, näiteks koonaldel, saanidel, vankritel; erinevatel majapidamis- tarvetel — riidekirstudel, laegastel, rõivatikanditel, puunikerdustel, muuhulgas katusekaunistustel; rituaalsetel taignatoodetel — pirukatel, karavaidel; laste mänguasjadel jne.) esinevad osadena sekundaarses tekstis, mis on moodustunud teksti põhisemantika ununemise käigus oma süntaktilise funktsiooni minetanud esialgsete koostisosade “segu- nemise” teel. Varasemasse perioodi kuuluva — maailmapuud kaju- tava — teksti (maailmapuu, selle kohal valgusallikad, puu otsas ja ümber linnud ja loomad) rekonstruktsiooni õigsust kinnitab erinevast žanrist sõnaliste tekstide (lausumised, mõistatused, laulud, muinas- jutud) kokkulangevus kõigis peamistes slaavi traditsioonides. Muu- hulgas osutub, et taoline teksti rekonstruktsioon vastab, ühelt poolt, üldindoeuroopa omale, mis on teostatud slaavi andmeid kasutamata indo-iraani ja muinasislandi tekstide kokkulangevuse põhjal, teisalt aga tüpoloogiliselt sarnastele tekstidele erinevates euraasia šamaani- traditsioonides.

5.2.3. Taoliste rekonstruktsioonide puhul, isegi kui ei ole võimalik leida teksti madalamal tasandil representeerivaid keelelisi elemente, kergendab semantilist rekonstruktsiooni kultuurikomplekside, mis kasutavad praktiliselt ühtset valikut põhilistest semantilistest oposi- sioonidest (nagu eelslaavi puhul taastatud õnn-ebaõnn [dolja- nedolja], elu-surm, päike-kuu, maa-meri jne.) tüpoloogiline sarnasus. Neil juhtudel võib esitada hüpoteesi sarnastest võimalustest taoliste süsteemide sotsiaalsel interpreteerimisel. Siin tuleb ära märkida või- malus lülitada vastavatesse kultuurikompleksidesse (laiemalt mõistet- tud vanimate perioodide teatud sotsiaalse organisatsioonitüübi olemas- olu korral) ka sellised ühiskondlike struktuuride ilmingud nagu asulate ja elamute vorm, abielu reguleerivad ettekirjutused ja keelud ning nendega seotud sugulusterminite funktsioneerimine. Seepärast on struktuursete meetodite kasutamisel slaavi muististe rekonstruee- rimisel saadud andmed olulised mitte ainult kitsamas mõttes kultuuri ajaloo jaoks, vaid ka slaavlaste ühiskondliku organisatsiooni varase- mate etappide (sealhulgas ka arheoloogiliste andmete interpretatsioon) uurimisel. See kinnitab veelkord, et slavistika kui teadus slaavi muis- tistest — mõistetuna ühtse semiootilise tervikuna — ning vastavate

traditsioonide hilisemast transformatsioonist ja diferentseerumisest on reaalselt ühtne.

6.0.0. Semiootilisest vaatepunktist võib kultuuri vaadelda kui erinevate semiootiliste süsteemide hierarhiat, kui tekstide summat ja nendega seotud funktsioonide kogumit või kui teatud tekstegenereerivat seadeldist. Mingi kollektiivi käsitlemisel keerukama ehitusega indiviidina võib kultuuri analoogselt individuaalse mälumehhanismiga mõtestada kui teatud kollektiivset seadeldist informatsiooni säilitamiseks ja töötlemiseks. Kultuuri semiootiline struktuur ja mälu semiootiline struktuur kujutavad endast erinevatel tasanditel paiknevaid funktsionaalselt ühetüübilisi nähtusi. Antud väide ei ole vastuolus kultuuri dünaamilisusega: olles põhimõtteliselt möödunud kogemuse fikseering, võib ta esineda ka kui programm ja kui instruksioon uute tekstide loomiseks. Peale selle on kultuuri printsiipiaalse orienteerituse puhul tulevasele kogemusele võimalik teatud tingliku vaatepunkti konstrueerimine, millest lähtudes tulevik esineb minevikuna. Näiteks luuakse tekste, mida hakkavad säilitama järeltulijad, inimesed, kes peavad end "ajastu tegijateks", püüavad sooritada ajaloolisi tegusid (teod, mis tulevikus saavad mäluks). Vrd. XVIII saj. inimeste püüdega valida antiikkangelasi oma käitumise eeskujudeks (Cato kuju on omapäraseks koodiks, mis seletab lahti kogu Radištševi käitumise, kaasaarvatud enesetapp). Kultuuri kui mälu olemus ilmneb eriti selgelt arhailiste, iseäranis folkloorsete, tekstide näitel.

6.0.1. Mitte ainult kommunikatsioonis osalejad ei loo tekste, vaid ka tekstid sisaldavad mälestust kommunikatsioonis osalejatest. Seejärel toob teise kultuuri tekstide omandamine enesega kaasa isiksuse teatud struktuuride ja käitumistüüpide translatsiooni läbi sajandite. Tekst võib esineda terve kultuuri kokkusurutud programmina. Tekstide omandamine teisest kultuurist viib **polükultuursusele**, võimalusele, jäädes ühe kultuuri raamidesse, valida tinglik käitumine teise kultuuri stiilis. See nähtus tekib vaid ühiskonna arengu teatud etappidel ja välise märgina evib näiteks võimalust valida rõivastuse tüüpi (vrd. valikut "ungari", "poola" või "vene" riietuse vahel XVII saj. lõpu – XVIII saj. alguse vene kultuuris).

6.0.2. Perioodi jaoks, mis algab algslaavi ajast ja jõuab mõnedes slaavi traditsioonides kuni uusajani, kindlustab kollektiivne infor-

matsiooni säilitamise mehhanism ("mälu") fikseeritud jääkade tekstiskeemide (meetriliste, translingvistiliste jne.) ja tervete tekstifragmentide (*loci communi* folklooritekstide suhtes) edasiandmise põlvkonnalt põlvkonnale. Vanimad seda tüüpi märgisüsteemid, kus kirjandus taandub päritud mütoloogiliste süžeede kehastamisele rituaalsete valemite abil, võivad sotsiaalse interpretatsiooni plaanis olla sünkroniseeritud järgalt determineeritud suhete süsteemidega, kus kõik võimalused on ammendatud mütoloogilise mineviku ja tsüklilise rituaaliga vastavuses olevate reeglitega. Seevastu enam arenenud süsteemid kollektiivides, millede käitumist reguleerib mälestus nende reaalsest ajaloo, on otseses vastavuses kirjanduse tüübiga, kus põhiprintsibiiks saab statistiliselt vähima sagedusega (ja järelikult suuremat informatsioonihulka kandvate) võtete otsing. Sarnaseid arutlusi võiks välja pakkuda ka teistes kultuurivaldkondades, kus mõiste "areng" (s.t. ajas suunatus) on lahutamatu järkjärgult käitumisprogrammidesse hädavajalike korrektiivide sisseviimiseks kasutatava informatsiooni kogumisest ja ümbertöötlemisest. Sellega on seletatav ajaloolise tegelikkuse asemel müüti loova mineviku kunstliku mütologiseerimise regressiivne roll. Selles mõttes võib üldslaavi mineviku suhete tüpologia osutada kasulikuks slavofiilide pärandi ja selle rolli uurimisel. Võib arvestada niisuguste indoeuroopa kultuuri diakroonilise transformatsiooni võimalustega, mis mitte alati ei eelda arengut keerukama organiseerituse suunas (keerukust mõistetakse siin puhtformaalselt kui elementide hulga, nende järgnevuse ja nendevaheliste seoste karakteristikate mõõdu ja kogu kultuuri mõõdu funktsiooni). Kaasaegsed uurimused indoeuroopa määratlustest nende seostes algslaavi omadega võimaldavad eeldada, et mõningatel juhtudel toimub üldslaavi tekstides võrreldes üldindoeuroopa omadega (ja vahel ka üksikutes slaavi tekstides võrdluses üldslaavi tekstidega) liikumine mitte informatsiooni, vaid entroopia hulga suurenemise poole. Nii kujutavad duaal-eksogaamsed struktuurid, mis nähtavasti korreleeruvad algslaavluses taastatava binaar-sümboolse klassifikatsiooniga, arhailisemat kihti, kui üldindoeuroopluses taastatavad struktuurid: see võib aga olla seletatav mitte slaavi maailma suurema arhailisusega, vaid teatud sekundaarsete protsessidega, mis on viinud struktuuri lihtsustumiseni. Kõigil taolistel juhtudel tõstatub rekonstrueerimisel ülesanne kõrvaldada tekstile tema edasiandmise käigus

põlvkondadevahelises diakroonilises sidekanalis ladestunud müra. Sellega seoses võib sekundaarsetes modelleerivates süsteemides ilmnevate nähtustega võrrelda märgatavat teksti organisatsiooni keerukuse vähenemist (ja lihtsuse suurenemist) morfoloogilisel tasandil, üleminekul avatud silpide reegli kehtivuselt indoeuroopa perioodil (hilisemale) algslaavi perioodile (lihtsuse all mõistetakse siin elementide arvu ja nende distributsioonireeglite vähenemist).

6.1.0. Kultuuri funktsioneerimiseks ja vastavalt tema uurimiseks komplekssete meetodite rakendamise vajalikkuse põhjendamisel on põhjaneva tähendusega tõsiasi, et üks isoleeritud semiootiline süsteem, kui täiuslikult ta ka ei oleks organiseeritud, ei saa moodustada kultuuri — selleks on minimaalse mehhanismina vajalik semiootiliste süsteemide suhestatud paar. Loomuliku keele tekst ja joonistus manifesteerivad kõige tavalisemat kahest keelest koosnevat süsteemi, mis moodustab kultuuri mehhanismi. Kultuuri iseloomustavaks jooneks on püüd keelte heterogeensuse poole.

6.1.1. Sellega seoses omandab erilise rolli kakskeelsuse nähtus, millel on erakordne tähendus slaavi maailma jaoks ja mis paljuski määrab ära slaavi kultuuride eripära. Bilingvismi konkreetsete tingimuste kogu mitmekesisuse juures erinevates slaavi paikkondades on teine keel alati olnud hierarhiliselt kõrgeim, täites tekstide formeerimisel näidise-etaloni funktsiooni. Orienteeritus “võõrale” keelele leiab aset ka siis, kui kultuuris toimub liikumine keeleliste vahendite demokratiseerumise suunas. Nii näiteks tähendavad Puškini sõnad, et keelt tuleb õppida Moskva prosvirnidelt, rahvaliku keele kui teise keele poole pöördumise vajalikkust. Antud seaduspärasus ilmneb siis, kui aksioloogiliselt kõrgeimaks saab sotsiaalselt madalaim süsteem. Teise slaavi keele (tavaliselt kirikuslaavi) spetsiifilised funktsioonid taolises struktuurset samaväärsete keelte paaris teevad slaavi kultuuride ja keelte materjali eriti väärtuslikuks mitte ainult kakskeelsuse probleemide uurimisel, vaid ka terve rea protsesside seletamisel, mis on hüpoteetiliselt seostatavad kaks- ja paljukeelsusega (romaani teke ja kaks- ja paljukeelsuse osa selle žanri puhul, luule lähenemine kõnekeelele kui üks tema sotsiaalsetest funktsioonidest; vrd. vene luulekeele rahvakeelele lähendamise ideed Mandelštami artiklites).

6.1.2. Vaieldamatute teksteloovate keeleliste vahenditega määratud seoste taustal võib slavistikateaduste poolt uuritavate tekstide ringi lülitada ka sellised, mis on kirjutatud mittedlaavi keeltes, kuid on funktsionaalselt tähenduslikud vastandatutena vastavatele slaavi tekstidele (Jan Husi teadustööde ladina keel — vanatšehhi keel, Tjuttševi artiklite prantsuse keel). Sellega seoses võib erilist huvi pakkuda ladina- ja itaaliakeelsete tekstide analüüs võrdluses slaavikeelsetega renessansiaegses kakskeelses slaavi maailmas (vrd. hilisbarokile iseloomulike ladina–poola ja itaalia–horvaatia makarooniliste luuletekstidega), prantsuskeelsete tekstide analüüs võrdluses nende venekeelsete ekvivalentidega vene XIX saj. esimese poole kirjanduses (üks ja sama Baratõnski luuletus prantsuse ja vene keeles, Puškini prantsuskeelsed märkmed võrdluses neile osaliselt paralleelsete venekeelsete kirjutistega jne.), vene–prantsuse kakskeelsus, kujutatud ja kasutatud kunstilise võttena vene XIX saj. romaanis.

6.1.3. Kultuuri kui süsteemide süsteemi, mis lõppkokkuvõttes baseerub loomulikul keelel (seda peetaksegi silmas terminis “sekundaarsed modelleerivad süsteemid”, vastandatutena “primaarsele süsteemile”, s.o. loomulikule keelele), võib vaadelda kui paariviisiliselt suhestatud semiootiliste süsteemide hierarhiat, milledevaheline korrelatsioon olulisel määral realiseerub läbi suhte loomuliku keele süsteemi. Arhailiste kultuuride suuremast sünkretismist tingituna tuleb see seos eriti ilmekalt esile algslaavi muististe rekonstrueerimisel (vrd. teatud rütmiliste, meloodiliste tüüpide seost meetrilistega, mis on omakorda tingitud süntaktilise aktsentoloogia reeglitest; riitusfunktsioonide otsene peegeldus sellistes rituaalsete tekstide elementide keelelistes tähistustes, nagu riitustoidu nimetused).

6.1.4. Teesi ainult loomuliku keele mittepiisavusest kultuuri konstrueerimisel võib siduda tõigaga, et ka loomulik keel ise ei kujuta endast ühe struktuuriprintsiibi rangelt loogilist realisatsiooni.

6.1.5. Süsteemide süsteemi ühtsuse teadvustamise aste on antud kultuuri sees erinev, mida võib vaadelda kui üht kultuuri tüpoloogilise hindamise kriteeriumi. See aste on väga kõrge keskaja usuteaduslikes konstruktides ja neis hilisemates kultuuriliikumistes, kus, nagu hussiidide puhul, võib näha tagasipöördumist sama, nüüd juba uue sisuga täidetud, arhailise kultuuriühtsuse kontseptsiooni poole. Kuid tänapäeva uurija vaatepunktist osutub kultuur, mille esindajad mõtes-

tavad teda ühtsena, tunduvalt keerukamaks moodustiseks: keskaegse kultuuri sees eristub M. M. Bahtini poolt avastatud "mitteametlike karnevaliliste nähtuste" kiht (slaavi pinnal kestev sellistes tekstides nagu vanatšehhi müsteerium "Unguentarius"); hussitlikus kirjanduses ilmneb ladina teadustekstide ja teisele adressaadile (massile) suunatud publitsistika tähenduslik vastandus. Mõnede perioodidele, mida iseloomustab kunstiline suunatus teate saatjale, on samal ajal eriomane maksimaalselt lai denotaatide ja kontseptide valik ühelt autorilt lähtuvate teadete sees (Komensky, Boškovič, Lomonosov), mis võib olla kultuuri (sisaldab neil juhtudel ka loodusteadusi ja tervet rida humanitaarteadusi jne.) ühtsuse kasuks rääkivaks lisaargumendiks. See ühtsus on otsustav, määratlemaks rangelt objekti, mida uurib slavistika kui teadus omavahel ühe või kahe (üheks neist oli reas kultuurides kirikuslaavi keel) slaavi keele kaudu seotud kultuuride sünkroonses ja diakroonses funktsioneerimisest. Igas antud kultuuris kasutatavate keeletraditsioonide ühtsuse tundmine on eelduseks nende erinevuste teadvustamisel (mitte ainult teoorias, vaid ka vastavate traditsioonide kandjate praktilises käitumises). Need erinevused on slaavi maailmas olnud seotud mitte niivõrd puhtkeeleliste (morfoloogiliste) ümberkodeerimisreeglitega, mis nende suhtelise lihtsuse tõttu ei peakski vastastikust mõistmist segama, kuivõrd kultuurilisaajalooliste (varasemate perioodide puhul eelkõige konfessionaalsete) erinevustega. Seega saab ilmseks slaavi kultuuride niisuguse uurimise hädavajalikkus, mis, keelelise ühtsuse siduvat rolli pidevalt silmas pidades, väljuks puhtlingvistilistest raamidest ja arvestaks kõiki keeleväliseid faktoreid, mis omakorda on mõjutanud ka keelelist diferentseerumist. Nii võib slaavi kultuuride ja keelte analüüs osutada käepäraseks mudeliks loomulike keelte ja sekundaarsete (keelepealsete) modelleerivate semiootiliste süsteemide omavaheliste suhete uurimisel.

"Sekundaarsete modelleerivate süsteemide" all mõeldakse niisuguseid semiootilisi süsteeme, millede abil konstrueeritakse maailma või selle fragmentide mudeleid. Need süsteemid on sekundaarsed primaarse loomuliku keele suhtes, mille kohale nad asetuvad — kas vahetult (ilukirjanduse keelepealne süsteem) või talle paralleelsete vormide näol (muusika või maalikunst).

6.2.0. Kultuuriloovate semiootiliste opositsioonide süsteemis mängib erilist rolli diskreetsete ja mittediskreetsete semiootiliste mudelite (diskreetsete ja mittediskreetsete tekstide) vastandus, mille üheks väljenduseks võib olla ikooniliste ja sõnaliste märkide antitees. Sel juhul omandab traditsiooniline kujutavate ja sõnaliste kunstide vastandus uue tähenduse: võib rääkida nende vastastikusest vajalikkusest kultuuri mehhanismi moodustamisel ja vajadusest eristuda semioosise printsiibilt, s.t. olla ühelt poolt ekvivalentsed ja teisalt — mitte lõplikult vastastikku tõlgitavad. Kuna erinevad rahvuslikud traditsioonid omavad erinevat loogikat, evolutsiooni kiirust, vastuvõtlikkust võõrastele mõjutustele diskreetsete ja mittediskreetsete tekstiloovate süsteemide piires, siis loob pinge nende traditsioonide vahel võimaluse kombinatsiooniliseks mitmekesisuseks, mis on oluline näiteks slaavi kultuuride ajaloolise tüpologia koostamisel. Erilist huvi võiks pakkuda samade tekstiehituslike seaduspärasuste väljatoomine valdavalt pidevate (maalikunsti) ja valdavalt diskreetsete (sõnaliste) tekstide materjalil (näiteks barokis). Selles plaanis tähtsustub ekraniseeringu fenomen, kui eksperiment, mille käigus diskreetne sõnaline tekst tõlgitakse pidevaks, mida vaid saadavad diskreetse fragmendid (näiteks Iwaszkiewiczi romaan “Kasesalu” ja Wajda telefilm selle põhjal, kus sõnalise teksti osa on viidud miinimumini seoses muusika tähenduslikkusega filmi helilise külje jaoks).

7.0.0. Üheks kultuuride semiootika ja tüpologia oluliseks uurimisprobleemiks on küsimus struktuuride, tekstide ja funktsioonide ekvivalentsusest. Ühe kultuuri siseselt tõstatub tekstide ekvivalentsuse probleem. Sellele on üles ehitatud tõlkimise võimalus ühe traditsiooni sees. Seejuures, kuna ekvivalentsus ei ole samasus, sisaldab tõlge ühest tekstisüsteemist teise alati teatud tõlkimatuse elementi. Semiootilise lähenemisviisi puhul on oma ülesehitusprintsiipidelt vastastikku suhestatavad ja samastatavad konkreetsete tekstid, mitte süsteemid, mis säilitavad autonoomsuse nende poolt genereeritavate tekstide kuitahes kaugeleulatuva samasuse puhul. Seetõttu on tekstide rekonstruktrueerimine erinevates allkeeltes tihti kergemini teostatav kui allkeelte eneste rekonstruktsioon. Viimase ülesande lahendamisel tuleb sageli toetuda tüpoloogilistele võrdlustele teiste kultuuriareaalidega. Slavistika traditsiooniliste ülesannete lahendamisel võivad

komparativistlikud probleemid olla tõlgendatud kui tekstide translatsioon erinevaid kanaleid pidi.

7.0.1. Seejuures on oluline eristada kolme juhtu: teatud võõrslaavi teksti translatsioon mööda kanalit, mille väljund on teises slaavi keeles (lihtsaim näide — tõlge ühest slaavi keelest teise, poola–ukraina–vene sidemed XVI–XVII ss.); mingi teises traditsioonis loodud teksti translatsioon mööda kahte (või enamat) kanalit (evangeeliumi kiriku-slaavikeelsete tõlgete erinevad redaktsioonid, ühe ja sama lääne ilukirjandusteksti tõlge erinevatesse slaavi keeltesse); lõpuks, teksti translatsioon kanaleid mööda, milledest ainult ühe väljundiks on tema realisatsioon slaavi keeles (juhtum, kui slaavi areaali piirides on kirjanduslikud või muud kultuurikontaktid piiratud ainult ühe rahvusliku või keelelise traditsiooniga), nagu näiteks rida türgi–bulgaaria leksikaalse kontaktiga seotud nähtusi; viimase tüübi juurde kuuluvad nähtavasti ka seosed *Minnesang*'i ja vanatšehhi armastuslüürika tekstide vormi vahel. Kolmanda tüübi suhteliselt väiksem osatähtsus võrreldes kahe esimesega räägib arvamuse kasuks, mille järgi slaavi kirjanduste ajalugu peaks olema üles ehitatud eelkõige võrdlevas plaanis. Mingi nähtuse olemasolu taustal teistes slaavi traditsioonides osutub tema puudumine või võitlus temaga (näiteks baironism slovaki kirjanduses) eriti tähenduslikuks. Translatsioon suhteliselt kõrgetel tasanditel (sealhulgas teksti figuratsiooni ja stilistika tasandil) on iseloomulik hiliskeskaja slaavi kirjasõna mälestistele. Sellega on seletatav, ühelt poolt, nende organisatsiooni keerukus (mis on tingitud evolutsiooni ja kollektiivse tekstide valiku pikaajalisusest mitte slaavi maailmas, vaid bütsantsi traditsioonis), teisalt, suhteline väheolulisus (kui pidada silmas kõrgemaid, aga mitte puht keeleleksika tasandeid) algslaavi rekonstruktsioonide jaoks. Pikaajalise eelneva tekstide valikuga seletatava traditsiooni translatsioonipuhune peegeldus slaavi pinnal on oluline ka XVI saj. dalmaatsia kirjandusajaloo ja rea viimaste sajandite slaavi kirjanduste jaoks. Erijuhaks on translatsioon, mille käigus muutub põhimõtteliselt ülemiste tekstitasandite iseloom, kuid säilib rida alumiste, eriti ikooniliste tasandite, tunnuseid, nagu juhtus idaslaavi paganlike jumaluste samastamisel (alumistel, teatud auditoriumi jaoks enamtähenduslikel tasanditel) õigeusklike pühakutega (vrd. selliseid paare nagu Volos–Vlasij, Mokoš–Paraskeva Pjatnitsa, muistse kaksikutekultuse peegeldus Flor'i ja Lavr'i näol).

Slaavi-mitteslaavi kontaktide ja sellega seotud translatsioonide probleem nõuab kogu vaadeldatava kultuuri vägagi avardatud mõistmist, lülitades sinna ka "keelealused süsteemid" — tavad, olme ja tehnoloogia (sealhulgas käsitöö). Keelealusteks nimetatakse selliseid semiootilisi süsteeme, millede iga element on loomuliku keele sõna (või sõnauhendi) denotaadiks. Mitteslaavi mõjud, mis on tihti enammärgatavad neis valdkondades (ja vahetult nendega seotud keeleterminoloogia sfäärides), võivad alles järgmistel etappidel avalduda sekundaarsetes keelepealsetes süsteemides, mis siin toovad näitlikult ilmsiks oma põhimõttelise erinevuse neist "keelealustest", mis ei ole loodud märkide ja loomuliku keele tekstide baasil ja mida ei ole võimalik loomuliku keele märkideks ja tekstideks transponeerida. Erinevalt sellest, hilisemaid kontakte lääne kultuuritsoonidega iseloomustavast seaduspärasusest, sõlmusid varasemad kontaktid Bütsantsiga eelkõige sekundaarsete modelleerivate süsteemide sfääris.

7.1.0. Tekstide transponeerimisest ühe kultuuritraditsiooni sees erineb sellega tüpoloogiliselt sarnane erinevatesse traditsioonidesse kuuluvate tekstide tõlkimine. Slaavi kultuurimaailma puhul kattub tõlge puht keelelistel põhjustel (peetakse silmas erinevatel tasanditel säilunud sarnasust ja kirikuslaavi keele rolli) tihti rekonstruktsiooniga. See käib mitte ainult ilmsete sõnaliste ja fonoloogiliste vastavuste, vaid ka näiteks selliste nähtuste kohta, nagu algslaavi meetriliste skeemide rekonstruktsiooni ennetamine Puškini "Lääneslaavlaste laulude" rütmiskeemis. Poet kõrvutas intuiitiivselt neidsamu — idaslaavi ja serbohorvaadi — traditsioone, millel põhinevad ka tänapäeva rekonstruktsioonid. Vrd. samuti J. Tuvim'i katsetusi vene kõne foneetilise struktuuri modelleerimisel poola värsi raames, samal ajal teadlikult loobudes leksikaalsetele vastavustele orienteerumisest. Antud kontseptsiooni valguses on sobilik viidata Križanić'i ajaloolisele teenele ja, meile ajas lähemale Baudouin de Courtenay analoogilisele lähenemisele, kelle arvates slaavi keelte vahelised vastavused kujutavad endast foneetilist tõlget.

8.0.0. Seisukoht, nagu ei toimiks kultuur ühe semiootilise süsteemi (ja seda enam — süsteemi tasandi) raames, peab silmas, et kirjeldamaks teksti elu kultuuride süsteemis või teksti moodustavate struktuuride

sisetööd, ei piisa üksikute tasandite immanentse organisatsiooni kirjeldusest. Kerkib esile erinevate tasandite struktuuridevaheliste seoste uurimise ülesanne. Taolised vastastikused seosed võivad ilmneda nii vahepealsete tasandite tekkes, kui ka erinevatel tasanditel vahel jälgitavas struktuurilises isomorfismis. Tänu isomorfismile võime me üle minna ühelt tasandilt teisele. Siintoodud teesides summeeritud lähenemist iseloomustab teravdatud tähelepanu ümberkodeerimistele üleminekul ühelt tasandilt teisele, erinevalt tasandite immanentsest kirjeldamisest formaliseeritud kirjelduste varasematel etappidel. Sellest vaatepunktist osutuvad F. de Saussure'i "Anagrammid" kaasaegsemateks kui formaalse kirjandusteaduse varasemate etappide puhtimmanentsed katsetused.

8.0.1. Üleminek ühelt tasandilt teisele võib toimuda asendusreeglite (*rewriting rules*) abil, millede puhul element, mis on kõrgemal tasandil esindatud ühe sümboliga, laieneb alumisel tasandil tekstiks (vastupidisel üleminekujärjestusel mõistetuna vasatavalt kui laiemasse konteksti lülitatud üksikmärk). Siin, nagu ka teistel sarnastel tänapäeva lingvistikas esiletoodud juhtudel, võib teksti sünkroonse sünteesi operatsioone kirjeldavate reeglite järgnevus kattuda diakroonilise arengu järgnevusega (vrd. kokkulangevust morfeemidest sõnavorme moodustava sünkroonse sünteesi reeglite järjestuse ja diakroonilise lihtsustamise vahel, mida on kirjeldatud slaavi nimisõna ajaloo näitel). Seejuures nii sünkroonilise kui ka diakroonilise kirjelduse puhul eelistatakse kontekstuaalselt seotud reegleid, kus iga sümboli x jaoks näidatakse ära kontekst $A - B$, milles teostub tema asendus tekstiga T :

$$x \rightarrow T(A - B)$$

8.0.2. Viimastel aastatel on struktuuripoetika spetsialistide huvi keskendunud tasanditevaheliste seoste uurimisele, seetõttu tegeldakse näiteks helikirjaga mitte tähendusest sõltumatult, vaid sellega seoses. Tasandikaupse ümberkodeerimise käigus põimuvad sünteesitava teksti osade redutseerimisel märgiks (mis on reaalselt kehastunud heli- või optilises signaalis) erinevate etappide tulemused. Probleemaatiliseks jääb võimalus neid etappe kunstiteksti sünteesi protsessis eksperimentaalselt eristada, kuna tekstis võib formaalsete piirangutega määratletud pindstruktuur mõjutada figuratiivset süvastruktuuri. See järeldeb

ka poeetikas ilmsiks tulnud suhtest $\beta \leq \gamma$, mille alusel poeetilisele vormile peale pandud piirangute määra näitava koefitsendi β suurenemisel on paratamatu poeetilise keele paindlikkust määrava arvu γ suurenemine, s.t. ka sünonüümsete perifraaside hulga suurenemist, mis on võimalik ülekantud ja kujundlike sõnakasutuste, ebaharilike sõnaühendite jne. arvel. Seetõttu osutuvad formaalsete piirangute määra esiletoomine slaavi võrdleva poeetika alastes töödes, selliste erinevate slaavi keelte teoreetilisi-informatsiooniliste parameetrite nagu paindlikkus (γ) ja entroopia (H) sätestamine ja ühest slaavi keelest teise tõlkimise ülesannete ning võimaluste täpsustamine ühe probleemi erinevateks külgedeks, mida võib uurida vaid igas valdkonnas toimunud eelnevate uurimuste põhjal.

9.0.0. Erinevate tasandite ja allsüsteemide ühendamisel ühtsesse semiootilisse tervikusse "kultuur" töötavad kaks teineteise suhtes vastandlikku mehhanismi:

a) Tendents mitmekesisusele — erinevalt organiseeritud semiootiliste keelte arvu suurenemisele, kultuuri "polüglotism".

b) Tendents ühetaolisusele — püüd mõtestada iseennast või teisi kultuure kui ühtseid, järgalt organiseeritud keeli.

Esimene tendents ilmneb pidevas kultuuri uute keelte loomises ja tema sisemise organisatsiooni ebahütluses. Erinevatele kultuuri-valdkondadele on omane erinev sisemise organiseerituse määr. Luues enese sees äärmise organiseerituse koldeid, vajab kultuur ka suhteliselt amorfseid, vaid struktuurilaadseid moodustisi. Selles mõttes on iseloomulik ajalooliselt antud kultuuristruktuuride sees niisuguste valdkondade süstemaatiline esiletõstmine, mis peaksid saama justkui kultuuri kui sellise organiseerituse mudeliks. Eriti huvitav on erinevate äärmise korrastatuse poole püüdevate kunstlikult loodavate märgisüsteemide uurimine (nagu näiteks seisuste, mundrite ja eraldusmärkide kultuurifunktsioon Peeter I ja tema järglaste "regulaarses" riigis — "regulaarsuse" idee ise, sisenedes epohhi ühtsesse kultuuri-tervikusse, moodustab täiendava suuruse tolle ajastu reaalse elu kirevas korrastamatuses). Suurt huvi pakub sellest vaatepunktist metatekstide: instruksioonide, "reglementide" ja õpetuste uurimine, mis esindavad kultuuri poolt enda kohta loodavat süstematiseeritud müüti. Iseloomulik on seejuures roll, mida mängivad kultuuri erinevatel

etappidel keelegegrammatikad kui näidised erinevat tüüpi korrastavate, "reguleerivate" tekstide jaoks.

9.0.1. Kunstlike keelte ja matemaatilise loogika osa selliste teadmisvaldkondade arengus nagu struktuuriline ja matemaatiline lingvistika või semiootika võib kirjeldada kui ühte näidet "korrastatuse kollete" loomisest. Samal ajal mängivad need teadused ise XX saj. üldises kultuurikontekstis analoogilist rolli.

9.0.2. Oluliseks erinevaid kultuuritasandeid ja allsüsteeme ühtsustavaks mehhanismiks on tema enese mudel, teatud etapil tekkiv kultuuri omamüüt. Ta väljendub eneseiseloostuste loomises (eriti, näiteks, klassitsismile iseloomulikud metatekstid nagu Boileau "Luulekunst" — vrd. vene klassitsismi normatiivsete traktaatidega), mis reguleerivad aktiivselt kultuuri kui terviku loomist.

9.0.3. Teiseks unifitseerimise mehhanismiks on kultuuri orienteeritus. Teatud üksik semiootiline süsteem saab domineeriva tähenduse ja tema struktuuriprintsiibid tungivad teistesse struktuuridesse ja kultuuri tervikuna. Nii võib rääkida kultuuridest, mis on orienteeritud kirjale (tekstile) või suulisele kõnele, sõnale ja joonisele. Võib eksisteerida kultuur, mis on orienteeritud kultuurile või kultuurivälisele sfäärile. Kultuuri orienteeritust matemaatikale ratsionalismiajastul või (teatud määral) XX saj. teisel poolel võib kõrvutada kultuuri orienteeritusega luulele romantismis või sümbolismis.

Nii on orienteeritus kinole seotud selliste XX saj. kultuuri iseloostavate joontega nagu montaažiprintsiibi võimutsemine (juba alates kubistlikest konstruktsioonidest maalikunstis ja luules, mis kronoloogiliselt eelnesid montaaži võidule tummfilmis; vrd. ka hilisemad "filmisilma" tüüpi katsetused proosas, mis on teadlikult konstrueeritud dokumentaalfilmi montaažipõhimõteteid järgides; iseloomulik on samuti eriaegsete lõikude monterimise parallelism filmis, kaasaegses teatris ja proosas, näiteks Bulgakovil), samuti erinevate vaatepunktidega manipuleerimine ja nende vastandamine (millega on seotud ka pajatuse, "kaudse otsese" kõne ja sisemonoloogi osakaalu suurenemine proosas; kunstilise praktikaga haakub samuti kaugeleulatuv ning osa uurijate puhul teadvustatud parallelism vaatepunkti tähenduslikkuse mõtestamisel proosateoorias, kunstiteose keele teoorias ja filmiteoorias), valdav tähelepanu suures plaanis antud detailile (meto-
nüümiline suund ilukirjanduslikus proosas; sama stilistilise domi-

nandiga on seotud ka detaili kui süžeelise ülesehituse võtme tähendus sellises massikirjanduse žanris nagu detektiiv).

9.1.0. Teaduslik uurimus ei ole mitte ainult kultuuri uurimise instrument, vaid on ka oma objekti osa. Teaduslikke tekste, mis on kultuuri metatekstideks, võib vaadelda ka kui kultuuritekste. Seetõttu võib iga olulist teaduslikku ideed vaadelda kui katset tunnetada kultuuri ja kui kultuuri elu fakti, mille kaudu tulevad esile teda genereerivad mehhanismid. Sellest vaatepunktist võiks püstitada küsimuse kaas-aegsetest struktuuril-semiootilistest uurimustest kui nähtusest slaavi kultuuris (tšehhi, slovaki, poola, vene ja teised traditsioonid).

*Tõlkija tänab asjalike paranduste ja kasulike näpunäidete eest
Ann Maltsi, Malle Saluperet ja Peeter Toropit.*

ISSN 1406-4278
ISBN 9985-4-0064-X